

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Адыгейский государственный университет»

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ:
способы регулирования**

*Международная
научно-практическая конференция*

Майкоп
2017

Министерство образования и науки Республики Адыгея

ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ: СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

*материалы
международной научно-практической конференции
(21-22 ноября 2017 года)*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект РНФ № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования»

МАЙКОП
ЭЛИТ
2017

УДК 316.347(470.62)(063)
ББК 60.545.1(235.7)л0
Э91

Публикуется по решению редакционно-издательского совета
Адыгейского государственного университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:

ХУНАГОВ
Рашид Думаличевич

доктор социологических наук, профессор, ректор
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЛЯУШЕВА
Светлана Аслановна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

ИЛЬИНОВА
Надежда Александровна

кандидат социологических наук, доцент,
заведующая кафедрой философии и социологии
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

НЕХАЙ
Вячеслав Нурбиевич

доктор социологических наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

ХАЧЕЦУКОВ
Заур Махмудович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Э91 Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования : материалы Международной научно-практической конференции (Майкоп, Адыгейский государственный университет, 21-22 ноября 2017 года) [Электронный ресурс] : материалы конференции / Адыгейский государственный университет. – Эл. изд. - Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 99 с.). - Майкоп: ЭЛИТ, 2017. – Режим доступа <http://201824.selcdn.ru/elit-061/index.html>. Сист. требования: Adobe Reader; экран 10'. ISBN 978-5-6040306-1-5

Сборник включает краткое содержание докладов на Международной научно-практической конференции «Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования». Доклады посвящены междисциплинарному осмыслению активизирующихся процессов межэтнической напряженности в условиях современного поликультурного общества, динамике этносоциальных процессов в российских регионах, этносоциальным рискам, российской идентичности на Юге России, совершенствованию аналитического инструментария исследования этносоциальных процессов.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект РНФ № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования»

УДК 316.347(470.62)(063)
ББК 60.545.1(235.7)л0

*Редакционная коллегия за содержание научных докладов ответственности не несет.
Статьи печатаются в авторской редакции без исправлений.*

ISBN 978-5-6040306-1-5

9 785604 030615

© ФГБОУ ВО "АГУ", 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Оформление электронного издания ООО "ЭЛИТ", 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аствацатурова М. А. Управление межэтнической напряженностью в контексте упрочения российской гражданской идентичности: северокавказские проекции.....	6
Баранов А. В. Миграционный фактор этносоциальных процессов в Краснодарском крае (2017г.)	10
Бгуашева З. К., Шахутова З. З. Роль поликультурного образования в современной полиэтнической России.....	13
Бедрик А. В. Фактор исторической Родины в консолидации диаспор	16
Вартумян А. А. К вопросу о динамике этносоциальных процессов в Российских регионах	19
Васильева И.А., Вартумян А.А., Бондаренко Н.Г. Религиозно-политический экстремизм и терроризм на Юге России	21
Васильева И.А., Вартумян А.А., Бондаренко Н.Г. Молодежь в экстремистских и террористических проявлениях	24
Верстова М. В. Профилактика экстремизма в полиэтническом социуме	27
Гайдарева И.Н., Ешев М.А. Влияние этнонационализма на социально-политические процессы	31
Делова Л. А. Демографическая политика: Республика Адыгея	34
Жаде З. А. Упрочение российской нации как политический проект	36
Ильинова Н. А., Сетова С. А. Патриотизм в контексте регулирования этносоциальных процессов	39
Каспаров А.Р., Сетов Р.Ю. Этноидентификационные маркеры конфликтов в российской полиции	42
Кашин О. В. Профессиональный и гражданский аспекты самоидентификации в подготовке курсантов летных училищ	45
Клименко Л. В. Концептуальные основания исследования социетальной сферы поликультурных регионов	48
Коблева И. А. Технология формирования имиджа Республики Адыгея как туристического региона	51
Копцов С. В. Полиция как институциональный элемент системы обеспечения правопорядка российского общества	54
Краснокуцкий Д. Н. Девиантное поведение курсантов образовательных учреждений МВД России в социальных сетях Интернета	57
Кузьменко И.С. Конструктивные и деструктивные модели солидаризации в процессах этнического самоопределения и межэтнического взаимодействия	60
Куликов Е.М. Социальные сети интернета как объект эмпирического социологического анализа	63
Ляшова С.А., Абдулаева Э.С. Нарушение психического компонента духовной культуры как фактор радикализации общества.....	66
Мальшева Е.М. Патриотизм поколения победителей и память о войне как аксиома национальной идентичности и граждан России.....	68
Намруева Л. В. Молодежь Калмыкии: выбор идентичности.....	72

Степанова Е.А. Медиа стереотипы в сетевом пространстве современной России: гендерный аспект	75
Тлехатук С. А. Сложносоставной характер региональной правовой идентичности	78
Федоровский А. П., Мацко О. В. Особенности формирования и функционирования этнокультурного сознания россиян	81
Хачецуков З. М. Социальные практики регулирования этносоциальных процессов на Юге России	84
Шадже А.Ю. Инновационное развитие полиэтничного общества в контексте культуры	87
Шаов А. А., Нехай В. Н. Традиционные ценности как системный ресурс гармонизации межконфессиональных отношений в условиях оппозиции «традиция- модерн»	90
Юрченко В. М. Проблемы патриотического воспитания студенческой молодежи в условиях социокультурных вызовов и рисков	94

УПРАВЛЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ УПРОЧЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ПРОЕКЦИИ

М. А. Аствацатурова

*доктор политических наук, профессор
Пятигорский государственный университет
г. Пятигорск*

Аннотация. В настоящей статье раскрываются место и роль управленческого ресурса в превенции межэтнической напряженности на Северном Кавказе, предлагаются организационно-управленческие меры по укреплению российской гражданской идентичности.

Ключевые слова: «управление межэтнической напряженностью», гражданская идентичность, национальная политика, межэтническое согласие.

Статья подготовлена в рамках исполнения проекта 8.4504.2017/РНЦ по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия-Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)».

«Управление» межэтнической напряженностью» как напряженностью в отношениях между этническими сообществами является важным вектором политической и организационной деятельности органов власти и управления, а также и значимым вектором инициатив гражданского общества в России. Это с очевидностью проявляется на Северном Кавказе, в Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО). «Управление межэтнической напряженностью» в СКФО, как, впрочем, и в иных мультикультурных макрорегионах РФ осуществляется в российском общественно-политическом контексте, идеологический стержень которого, во многом, определяется новым обращением к идее российской гражданской идентичности [1].

Контекст упрочения российской гражданской идентичности должен стать эффективным для «управления межэтнической напряженностью», для нейтрализации острых форм конкуренции этнических групп за статус, за землю, за

этнические территории, за собственность, а также и за влияние на власть. При этом СКФО имеет собственное место в этом контексте, которое определено общеизвестными обстоятельствами. Это: этническое и конфессиональное разнообразие, этнополитический и национально-культурный активизм, этнокультурная корпоративность и ассоциированность, приверженность консервативным семейно-родственным ценностям, сочетаемость традиций и новаций общественной жизни [2]. Также это: локальный этноцентризм сообществ в отношении территорий, собственности, ресурсов и власти; этноклановость и сложившийся этнократизм; сохраняющееся проявления экстремизма и радикализма, часто оправдываемые этническими интересами.

Закономерно, что необходимость «управления межэтнической напряженностью» на новом уровне, который бы соответствовал современному уровню межэтнических отношений и этнополитических процессов

СКФО, в 2016-2017 гг. вновь проявила проблему внутреннего гражданского единства и общественно-политической гомогенности северокавказского сообщества при сохранении его этнокультурной дифференциации. Реализация «федерального и верхушечного» проекта российской гражданской идентичности в СКФО в абстрактно-дискурсном, экстерриториальном плане не подвергается сомнению, так как базируется на безусловных смыслах. Это: поддержка внешнеполитического курса федерального центра, осуждение экстремизма и радикализма, отказ от сепаратистских настроений, выражение патриотических настроений и верности Президенту РФ, демонстрация принадлежности к российской нации, однако, при безусловном сохранении этнокультурной уникальности. Это иллюстрирует такой содержательный и организационный принцип «Государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» как преодоление диалектического противоречия между гражданским единством и этническим разнообразием [3].

«Управление межэтнической напряженностью» в СКФО осуществляется под мощным влиянием факторов разнообразия этнических сообществ: история, этногенез, мифология, религия, язык, культура, традиции, обрядность, менталитет, которые, безусловно, достойны уважения и признания. Однако эти же факторы формируют разнонаправленные интересы этнических групп и объективную конкуренцию между ними за достижение жизнеобразующих целей. Такая конкуренция проецируется в сферу общественно-политических отношений и в определенных случаях порождает этнизацию политики и политизацию этничности. Долгосрочная мечта управленцев, чиновников и бюрократов о том, чтобы интересы этнических групп сосредотачивались лишь в сфере культуры, остаются благим пожеланием. Народы, этнические сообщества, этнические группы всегда были, есть и будут оставаться субъектами

политики и продуцировать политическую этносубъектность, разработка которой в теоретическом и практико-прикладном плане является важнейшей исследовательской нишей политического знания [4]. Расширение этой ниши позволяет выявить такие неявные (часто субъективированные) причины межэтнической напряженности, как:

- провозглашение «этноцентристского взгляда» на события общей российской и северокавказской истории и общей культуры при «борьбе прав» на мифологию, героев, памятники культуры и природы;

- популяризация идеи особой духовности и нравственности сообществ региона в отличие от сообществ других регионов России, которая обеспечивается особыми традициями, верованиями и вероучительными практиками, особыми национальными (этническими) характерами;

- неприятие ряда элементов, тенденций и следствий модернизации всех сторон жизни сообщества СКФО, которая должна осуществляться в общероссийском тренде дальнейшей демократизации и модернизации, как неприемлемых для «северокавказского мира»;

- активизация интересов северокавказских сообществ в современных геополитических трансформациях, которые актуализируют проблему упрочения места Северного Кавказа в суверенном пространстве России как проблему национальной безопасности [5].

Необходимость системного, инновационного и проектного «управления межэтнической напряженностью» в СКФО предполагает максимальное включение полиэтничного северокавказского сообщества в российский гражданский процесс. Здесь значима позиция Российского государства, озвученная Президентом РФ В.В. Путиным: «мы с огромным вниманием и с огромным уважением относимся, и должны, и будем относиться к каждому этносу, к каждому народу Российской Федерации. В нашем многообразии всегда была и есть наша красота и наша сила. Но мы не должны забывать, что любой национализм и шовинизм наносят

прямой огромный ущерб, прежде всего, тому народу и тому этносу, интересами которых, якобы, и озабочены националисты» [6].

В СКФО в 2010-2017 гг. при непосредственных усилиях полпредов Президента РФ А.Г. Хлопонина, далее С.А. Меликова, далее О.Е. Белавенцева реализуются следующие направления «управления межэтнической напряженностью» в контексте упрочения российской гражданской идентичности: деэскалация идей экстремизма, радикализма, национализма; популяризация привлекательных сюжетов общей российской истории и государственности; «примирение с прошлым», нейтрализация «войн памяти» и «дележа мифологического наследия»; преодоление взаимных исторических обид и постконфликтная реконструкция; осовременивание традиционных российских патриотических символов в среде молодежи и др. [7].

Стоит отметить, что «управление межэтнической напряженностью» осуществляется не только государственными структурами, но и самими этническими сообществами региона - субъектами этнокультурной модели гражданского общества СКФО [8]. В этом важен каждый участник, у каждого своя роль и своя миссия: у русского населения и казачества, у титульных и нетитульных народов РФ автохтонного происхождения, у народов РФ несевieroкавказского происхождения, у диаспор дальнего и ближнего зарубежья нероссийского происхождения [9].

В дальнейшем целесообразным представляется:

- повышение эффективности организационно-управленческой работы профильных органов исполнительной власти субъектов РФ СКФО при тесной координации с ФАДН, с Ассамблеей народов РФ, с Советом при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Комиссией по

гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений ОП РФ;

- гуманизация отношений между народами, между этническими группами через реализацию проектов культурной, образовательно-информационной, спортивно-оздоровительной, курортно-рекреационной; досугово-развлекательной направленности;

- популяризация российского патриотизма как основы единства разных конфессиональных сообществ, а также светской и клерикальной частей общества при активизации конфессиональных институтов в разоблачении экстремистской идеологии;

- сохранение пространства русской культуры и русского языка как референтных и объединяющих, упрочение достоверных исторических и обществоведческих знаний молодежи;

- создание надэтнических гражданских объединений – конгрессов, форумов, центров дружбы, межэтнических советов, советов мира и дружбы и проведение межэтнических конгрессов и форумов народов;

- расширение креативных акций культурно-просветительской, историко-культурной, спортивно-оздоровительной направленности и распространение в сообществе СКФО настроений уверенности, безопасности;

- объединение молодежи СКФО в рамках общих проектов – гражданских, историко-культурных, прикладных, волонтерских, спортивно-туристских, широкого волонтерского движения за мир, за здоровый образ жизни, за успех;

- повышение качества общественного, информационного, образовательного и экспертного дискурса СКФО, популяризирующего идеи внутреннего межэтнического и межконфессионального согласия в контексте упрочения российской гражданской идентичности.

Литература:

1. Тишков В.А. Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник Российской нации. Избранные труды академика РАН В.А. Тишкова о российской нации. Спецвыпуск 2008-2016. С.57-74.
2. Российский Кавказ: территория единства и развития. Международный политологический форум. М.: ФАДН России. 2016. 90 с.; Российский Кавказ. Проблемы, поиски, решения / Под ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. М.: Изд-во «Аспект-Пресс». 2015. 600 с.
3. Зорин В., Аствацатурова М. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: традиционные методы и инновационные подходы реализации на современном этапе // Вестник Российской нации. 2015. № 1. С. 17-37.
4. Аствацатурова М.А. Этноконфликтология и этнополитология: новые реакции на старые и новые запросы северокавказского регионального ландшафта // Этнические проблемы современности. Вып. 20. / Научн. ред. В.А. Авксентьев. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 40-52.
5. Угроза ИГИЛ: пути противодействия национально-религиозному экстремизму. Сборник информационно-аналитических материалов / Сост. А. Брод. М.: Московское бюро по правам человека, 2015. 160 с.
6. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. // Российская газета. 2012 г. 13 декабря.
7. Участие органов государственной власти, местного самоуправления и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной, миграционной и языковой политики в Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад / Под ред. В.А. Тишкова. Москва - Ставрополь - Пятигорск: ПГУ, 2016. 125 с.
8. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие и итога 2016 г.). Экспертный доклад / Науч. ред. Б.В. Аксюмов. Москва - Ставрополь - Пятигорск: ПГУ, 2016. 171 с.
9. Национально-культурное и этнорелигиозное самоопределение адыго-абхазских и тюркских народов Северного Кавказа и Крыма в условиях упрочения гражданского единства российской нации. Экспертный доклад. Ч. 1 / Научн. ред. В.А. Тишков. Пятигорск: ПГУ, 2017. 121 с.

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ (2017 г.)

А.В. Баранов

доктор политических наук,
доктор исторических наук, профессор,
Кубанский государственный университет
г. Краснодар

Аннотация. В статье анализируется влияние миграционных процессов на трансформацию этносоциальной структуры Краснодарского края. Отмечается необходимость реализации программы миграционной политики РФ с учетом этнополитической специфики региона.

Ключевые слова: миграция, этносоциальные процессы, Краснодарский край, миграционная политика.

Исследование выполнено в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем Минобрнауки РФ по теме № 16/27т «Проведение мониторинга межнациональных отношений и религиозной ситуации, анализ участия органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики, миграционной и языковой политики Российской Федерации в регионах Южного федерального округа (Краснодарский край, Республика Адыгея и Волгоградская область)».

Актуальность темы. Краснодарский край – один из субъектов Российской Федерации, имеющих наивысший миграционный приток. Важно раскрыть параметры этнической миграции в крае в условиях роста геополитических угроз.

Цель статьи – установить проявления миграционного фактора в этносоциальных отношениях в Краснодарском крае за 2017 г.

Численность постоянного населения Краснодарского края по данным Росстата на 1 сентября 2017 г. достигла 5594,4 тыс. чел., что на 9,65% больше, чем по переписи 2010 г. [1] Население растет всецело за счет миграционных потоков. Плотность населения - 74,1 чел./км² – на четвертом месте в РФ после Москвы, Санкт-Петербурга и Ингушетии [1]. Прирост численности населения воспринимается общественным мнением как чрезмерный.

Краснодарский край – один из наиболее привлекательных для заселения регионов России. Межрегиональное сравнение миграционного прироста на Юге России в первом полугодии 2017 г. показывает, что Краснодарский край являлся одним из лидеров в стране (в г. Москве миграционный прирост составил 33,2 тыс. чел., г. Санкт-Петербурге – 23,7, Краснодарском крае – 19,3 тыс. чел.) [2, с. 743-744]. Краснодарский край остаётся лидером по

приему населения в Южном федеральном округе (наивысший коэффициент миграционного прироста в крае составлял +135 на 10000 чел. постоянного населения в 2013 г. и +100,5 за 2016 г.) [3]. В сравнении, вся РФ в 2014 г. имела общий положительный коэффициент миграционного прироста +19, весь Южный федеральный округ – отрицательный коэффициент: -21 [4]. За 2016 г. общий коэффициент миграционного прироста в Краснодарском крае оставался на 3-м месте по России и вырос с 89,0 до 100,5 на 10000 чел. постоянного населения, что выше уровня 2014 г. [3; 5].

По данным Краснодарстата, за январь – август 2017 г. миграционный прирост населения составил +27400 чел., что на 34,9% раза меньше, чем за аналогичный период 2016 г. Это произошло за счет снижения числа прибывших в край на 11403 чел., или на 11,5%. Число мигрантов внутри края за январь – август 2017 г. уменьшилось на 5620 чел., или на 12,5% по сравнению с соответствующим периодом 2016 г. [6]. Эти тенденции продолжают тренд, наметившийся еще год назад, к уменьшению миграционного потока.

За январь – август 2017 г. в регион прибыли 126779 мигрантов, а выбыли 99379, что дало

снижение миграционного прироста на 35,0% в сравнении с тем же периодом 2016 г. Это весомый тренд уменьшения численности переселенцев. Из прибывших мигрантов 90,1% - внутрироссийские (в т.ч., 31,1% всего прироста – внутрирегиональные и 59,0% - межрегиональные), 9,9% - зарубежные (в т.ч. 8,5% граждан стран СНГ и 1,4% граждан иных стран) [6]. В сравнении с 2016 г. удельный вес внутрироссийских миграций немного вырос (с 88,8 до 90,1%) [6], как и межрегиональных внутрироссийских миграций.

Возрастной состав всех мигрантов в январе – июне 2017 г. следующий: в трудоспособном возрасте – 67,4%, младше – 17,8% и старше трудоспособного возраста – 14,8%. Возрастной состав всех мигрантов изменился следующим образом: в миграционном приросте доля лиц старше трудоспособного возраста увеличилась на 20,0%, доля лиц моложе трудоспособного и доля лиц трудоспособного возраста уменьшилась, соответственно, на 4,0% и 4,7% [7].

Число внутрирегиональных мигрантов за восемь месяцев 2017 г. снизилось на 12,5% по сравнению с предыдущим годом [6]. В абсолютном выражении число зарегистрированных мигрантов из других регионов России за январь – июнь 2017 г. в Краснодарском крае (78,8 тыс. чел.) было на 4-м месте по РФ после Московской области (141,8 тыс. чел.), Москвы (117,7) и Санкт-Петербурга (99,7 тыс. чел.) [2]. По данным Краснодарстата, за первую половину 2017 г. жители Сибирского федерального округа составили 27,2%, Уральского – 16,5%, Приволжского – 16,1%, Дальневосточного – 15,5%, Южного – 12,9%, Северо-Кавказского – 11,5% общего числа переселившихся в край жителей других регионов России. Это означает рост удельного веса переселенцев из Сибири, Дальнего Востока, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, а также некоторый спад межрегиональных миграций внутри Южного федерального округа [7]. Если анализировать территориальные распределения внутрироссийской иммиграции на Кубань на уровне субъектов федерации, то лидеры за 2014–2015 гг.: Ингушетия (3,8% всего миграционного потока), Адыгея (3,1%), Дагестан (2,7%), Тюменская область (2,2%), Ямало-Ненецкий АО (1,5%), Чечня (1,4%),

Ставропольский край (1,3% всего миграционного потока), по расчётам Т.А. Мясниковой и К.В. Гетманцева.

Этнический состав потока мигрантов за 2015 г. (86% переселенцев – русские, 5% - украинцы, 3% - поволжские татары) [8, с. 151-152] пропорционален составу постоянного населения Краснодарского края. Для категорий мигрантов, прибывающих в край, характерны устойчивые процентные соотношения.

Миграционный прирост за счет обмена с государствами-участниками СНГ за восемь месяцев 2017 г. сократился на 22,8%, а с иными зарубежными государствами – на 16,9%. Вероятно, данная тенденция объясняется принятыми строгими антитеррористическими мерами в местностях проведения Кубка конфедераций по футболу и отбытием в свои страны трудовых мигрантов, работавших на спортивных объектах. Положительное сальдо миграции наблюдалось за счет обмена населением со всеми странами СНГ. Среди стран СНГ 63,1% миграционного прироста за первую половину 2017 г. приходилось на Украину, 18,8% – на Казахстан, 6,3% – на Беларусь [7]. Среди стран СНГ за январь – май 2017 г. миграционный прирост в крае был наибольшим с Украиной: +89,6%, с Казахстаном +26,5%, с Беларусью +11,8%. В целом страновая структура международной иммиграции в край остаётся относительно неизменной. Она сложилась в 2014 г. вследствие Украинского кризиса, до этого преобладала иммиграция из Армении и стран Средней Азии. Мотивами международной иммиграции в край выступают, прежде всего, желание заработать и повысить свой статус.

На 2017 г. для Краснодарского края установлена квота на выдачу разрешений на работу с учетом корректировок на 3500 чел., что в 2,33 больше квоты 2016 г. [9]. Это означает возврат к размерам квоты на 2015 г. Причина, очевидно, в значительном спросе строительства и пищевой промышленности края, сферы обслуживания на дешёвую рабочую силу из стран СНГ. По данным управления по вопросам миграции Главного управления МВД по краю, за 8 месяцев 2017 г. на миграционный учёт поставлено 390685 иностранных граждан, больше всего –

граждан Украины, Узбекистана, Таджикистана и Армении [10].

По сведениям администрации края, на 20 марта 2017 г. в крае размещено 34824 гражданина Украины (на 7,3 тыс. чел. меньше, чем год назад). Краснодарский край занимает в РФ второе место по количеству граждан Украины после Ростовской области. Численность граждан Украины в крае медленно сокращается. Масштаб проблемы велик: граждане Украины составляют 58% миграционного притока иностранцев в край, а также 93,1% обратившихся за предоставлением временного убежища и статуса беженца [11].

Подведём итоги. Повышенный уровень миграции конфликтогенен для Краснодарского края. Сосредоточение трудовых мигрантов в крупных городах и курортных местностях политически рискованно. Наибольшую миграционную нагрузку испытывают г. Сочи, Новороссийск, Краснодар, северные сельские районы (где размещаются беженцы из Донбасса), а также районы Черноморского побережья, где количество иностранных граждан и лиц без гражданства,

состоящих на учете, выше, чем в других муниципальных образованиях края. Ввиду аграрной и курортной специализации конфликтогенным узлом может стать контроль над землей.

На уровне субъекта федерации целесообразно принять программу реализации миграционной политики РФ. Основы миграционной политики должны быть закреплены в кодексе законов, реализующем принципы Конституции РФ с учётом интересов национальной безопасности. Необходимо поощрять дисперсное размещение мигрантов при соблюдении критериев экономической, социальной и этнополитической стабильности принимающего сообщества. Перспективным направлением регулирования миграции следует признать информационную политику, нацеленную на культурную и политическую адаптацию мигрантов в принимающее сообщество. Необходимо целевое расселение мигрантов в северных и северо-восточных районах, ограничение миграционных потоков в приграничных и геополитически важных местностях. Необходимо определить статус внутривосточного переселенца.

Литература:

1. Доклад «О миграционной ситуации в Краснодарском крае и основных результатах деятельности УФМС России по Краснодарскому краю». Режим доступа: <https://23.fms.gov.ru/document/55785> (дата обращения: 11.07.2016).
2. Информация об оказании гуманитарной помощи гражданам, прибывающим в Краснодарский край из Украины на 26 сентября 2016 года. Режим доступа: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/21/show/68788/>
3. Информация об оказании гуманитарной помощи гражданам Украины, прибывшим в Краснодарский край на 27.06.2016 г. Режим доступа: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/21/show/68788/> (дата обращения: 09.07.2016).
4. Основные показатели деятельности УФМС России по Краснодарскому краю за 2015 год. Режим доступа: <http://www.23.fms.gov.ru/document/43039> (дата обращения: 11.03.2016).
5. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности управления Федеральной миграционной службы по Краснодарскому краю на 2014 год и плановый период 2015-2017 годов. Режим доступа: <http://www.ufmskrn.ru/site2/about/resultati/index.php> (дата обращения: 11.09.2015).
6. Информация об оказании гуманитарной помощи гражданам Украины, прибывшим в Краснодарский край на 06 июля 2015 года. Режим доступа: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/21/show/68788/> (дата обращения: 14.07.2016).
7. Online-интервью: Алексей Чебураков: Кубань – мигранты / интервью Т. Гусельниковой // Новая газета Кубани. Краснодар, 2016. 4 апр.
8. Об утверждении программы Краснодарского края по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом. Распоряжение Правительства РФ от 3 февраля 2016 года № 145-р. Режим доступа: <http://government.ru/docs/21689/> (дата обращения: 01.04.2016).

РОЛЬ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ РОССИИ

З.К. Бзуашева

кандидат педагогических наук, доцент,
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

З.З. Шхахутова

кандидат педагогических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация. В настоящей статье определяется роль поликультурного образования в укреплении межэтнического согласия, в продвижении гуманистических принципов и демократического мировоззрения, а также в формировании духовных устоев подрастающего поколения.

Ключевые слова: поликультурное образование, молодежь, демократическое мировоззрение, полиэтничность.

Сохранение межнационального согласия всегда было одной из важных задач полиэтничного общества, ибо без этого невозможно развитие общечеловеческого цивилизационного процесса. Каждое время требовало осуществления своих подходов к решению этой проблемы. И сегодня, когда наша страна в очередной раз претерпела социально-политические и экономические изменения, трансформировавшиеся социально-демографическую картину общества, вызвавшие рост национального самосознания, усиление стремления к этнической и этнокультурной самоидентификации, вновь приобрел актуальность национальный вопрос. Возникла необходимость поиска путей укрепления межнационального мира и согласия, создания в обществе благоприятного этнопсихологического климата, детерминированного национально-психологическим взаимопониманием, взаимотерпимостью в отношениях между этносами. Без решения этого вопроса невозможно сохранение и развитие национальных культур, составляющих единое культурное пространство нашей страны [1].

Сегодня, к сожалению, мы вынуждены констатировать, что отдельные противоречия

общественно-политического развития нашей страны, социальная неустроенность, потеря идейных и нравственных ориентиров в ряде случаев порождает воинствующий национализм – нетерпимость к другим народам, чувство национального превосходства и религиозный фанатизм.

И в этом мы видим проявление серьезных недостатков в воспитании молодежи, просчеты в формировании духовного мира, моральных устоев подрастающего поколения.

В сложившихся условиях поиск путей гармоничного развития представителей различных этнокультур и создания предпосылок их неконфликтного сосуществования, обеспечения «этнопсихологического» комфорта личности, установления стабильных межнациональных отношений, объективно необходимых для экономического и демократического развития общества, понимается нами как важная государственная и социально-политическая задача.

Мы, работники системы образования, понимаем, какова степень нашей ответственности за будущее страны. Поколение, которое мы растим, воспитываем сегодня, завтра будет решать судьбы людей и страны в целом. И потому

школа стремится сделать все, чтобы дети получили максимально возможное развитие, стали бы людьми не только всесторонне образованными, но и обладали бы твердыми нравственными убеждениями, имели бы активную жизненную позицию. Пересматриваются, обновляются программы в соответствии с требованием времени, внедряются новейшие технологии обучения, одаренные, преданные профессии педагоги безраздельно отдают себя школе, детям. И в этом неудержимом стремлении – дать обучающимся как можно больше знаний, к сожалению, не всегда учитывается самое главное – психологический комфорт ребенка, обусловленный множеством факторов. Наиболее часто упускается из виду жизненно важная для многонациональной и поликонфессиональной страны проблема обеспечения психологического комфорта, связанного с этнической принадлежностью ребенка. Отсутствие внимания к этой проблеме или некорректное ее решение может привести, с одной стороны, к формированию личности с гипертрофированным чувством национальной исключительности, национального превосходства, с другой – с чувством неполноценности, детерминированной национальной принадлежностью. И, как результат, возникает психологический дискомфорт в межэтническом общении, зачастую приводящий к крайним проявлениям – межнациональным конфликтам, как на личностном уровне, так и в более широких масштабах.

В связи с вышеуказанным приобретает особую актуальность проблема инновационного подхода к системе образования в многонациональной стране.

Поликультурные идеи развиваются в российском образовании в следующих направлениях:

– изучение обучающимися различных национальных культур с обсуждением проблем

национального возрождения и национальной самобытности;

– организация межкультурного диалога в самых разнообразных его вариантах;

– приобщение обучающихся к демократическим, гуманистическим ценностям в том виде, в котором они понимаются сторонниками поликультурного образования [2].

Цель этих направлений – придать равновесие национальному и общечеловеческому в культуре, содействовать формированию единого человечества, сохраняя при этом национальную самобытность и уникальность каждой культуры, нации, этноса. Все эти направления могут совместно реализоваться в рамках учебного процесса или деятельности той или иной просветительской организации. В качестве таких организаций могут выступить национально-культурные учебные заведения и национально-культурные центры (союзов, обществ).

Возникновение этнических конфликтов исследователи связывают с недостаточными условиями для развития национальных культур. Мы согласны с этим мнением. Действительно, по мнению поликультураллистов, знание своей собственной национальной традиции является условием признания других национальных традиций как своих. Именно поэтому задачей поликультурного образования в России является ведение межэтнического, межнационального, межкультурного диалога (встречи, совместные акции, фестивали с представителями других культур, знакомство с традициями и ценностями иной культуры).

Поликультурное образование связано с формированием у обучающихся демократического мировоззрения. В качестве формы обучения здесь может выступить развивающаяся система «гражданского образования», которая вновь возрождается во многих регионах России.

Литература:

1. Аракелян О.В., Цацурова Т.А. Поликультурное образование как фактор инновационного подхода в обеспечении безопасности и развитии системы образования // Известия РАО. Научный журнал 2(22) апрель-июнь. «Совершенствование системы образования как фактор обеспечения безопасности и развития страны». Материалы международной научно-практической конференции 20-21 апреля 2012 г. М. 2012. 0,30 п.л.
2. Даутова, Г. Ж. Развитие поликультурного образования в Поволжье: автореф. д-ра пед. наук: 13.00.01. Казань, 2004. 39 с.

ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОЙ РОДИНЫ В КОНСОЛИДАЦИИ ДИАСПОР

А.В. Бедрик

кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону

Аннотация. В статье раскрываются смысл и содержание понятия «историческая родина», рассматривается влияние фактора исторической родины на укрепление диаспорной идентичности и интеграцию представителей диаспоры в социокультурное пространство этноса. Утверждается, что фактор исторической родины обеспечивает миграционное воспроизводство диаспоры посредством сетевого взаимодействия ее членов.

Ключевые слова: историческая родина, диаспора, диаспорная идентичность, консолидация.

Формирование и развитие диаспорных общностей обусловлено комплексом социальных факторов, к которым относится этнокультурная и конфессиональная специфика меньшинства, его территориальная локализация, наличие этнического лидера и институциональных условий сохранения идентичности, а также наличие общей исторической памяти, центральным компонентом которой является образ исторической родины. Как отмечает академик РАН В.А. Тишков, историческая родина – это основной компонент диаспорной идентичности, без которого мобилизация общины как коллективного целого невозможна [1]. Группа может быть дифференцирована по типу ориентации в отношении исторической родины, но вне поля влияния данного элемента коллективной памяти не возможно воспроизводства внутренне интегрированного сообщества.

Понятие «исторической родины» рассматривается нами как территория государства или региона, к титульному этносу которой относятся представители диаспорной общности, независимо от места своего непосредственного рождения. Однако как показали результаты нашего исследования, в такой общей теоретической интерпретации феномена исторической родины возможны эмпирические отклонения. Так для части исследуемых нами представителей этнических диаспор Ростовской области понятие исторической

родины отождествляется с государством прежней гражданской принадлежности или историческим регионом, утратившим в настоящее время какую-либо форму государственно-территориального обособления [2].

Дифференциация диаспорной группы по типу ориентаций в отношении исторической родины может содержать два условных компонента общины. Во-первых, это историческая часть диаспоры – потомки переселенцев, которые родились и социализировались на территории своего нынешнего проживания, то есть пределами основного или исторического ареала расселения группы. Во-вторых, это новая часть общины – переселенцы первого поколения и их дети, которые имеют непосредственную связь с территорией своего исхода. Однако в этом случае группа мигрантов – членов диаспоры может быть также разделена на несколько сегментов: переселенцы с территории самой исторической родины этнической общности и переселенцы с других территорий.

В соответствии с существующими классификациями функции этнических диаспор подразделяются на внутренние и внешние [3]. Внешний функционал диаспоры преимущественно реализуется через поддержание связей с государством исторического происхождения (исторической родиной). Для значительной части представителей диаспоры интеграция в

институциональные формы ее существования (общественные организации, национально-культурные автономии, культурно-языковые центры и т.д.) детерминировано стремлением использовать именно данный потенциал группы. Однако и сама историческая родина выполняет по отношению к диаспорам определенные функции. Во-первых, идентификационная функция, которая особенно важна в случае мозаичности диаспорной группы по регионам исхода ее представителей или по продолжительности пребывания на новом месте проживания [4]. Идентификационная функция усиливает интеграционные процессы в общине и способствует ее институционализации, поддержанию актуального уровня этнического самосознания.

Во-вторых, ресурсная функция, которая проявляется через деятельность специализированных консульских служб посольств целого ряда государств (например, Германии, Польши или Израиля), курирующих и обеспечивающих поддержку деятельность официальных институтов диаспоры, либо участвующих в решении проблем своих нынешних или бывших граждан – членов институционализированных или неформальных диаспорных сообществ. В контексте ресурсной функции исторической родины ею предпринимаются программы языкового обучения, экскурсионные туры для молодежи, или даже программы социальной поддержки бывших соотечественников. Сложности в осуществлении данной функции в настоящее время связаны со страхом лидеров национально-культурных объединений получения материальной или финансовой помощи от правительственных или иных структур исторической родины в связи с необходимостью в таком случае зарегистрировать себя в качестве иностранного агента, что предусмотрено нормами российского законодательства.

В-третьих, имиджевая функция, создающая привлекательность для члена диаспоры, носителя латентного уровня этнической идентичности, вовлечение в деятельность ее официальных институтов, т.е. формализацию своего участия в

национально-культурном объединении. Так получение карты поляка, что дает возможности без дополнительных ограничений получение через посольство Польши шенгенской визы, требует от гражданина РФ обязательную рекомендацию со стороны польского национально-культурного объединения, подтверждающего активную роль человека в сохранении и развитии польской культуры и языка в России. Схожие предпочтения дает участие в греческих, немецких и болгарских объединениях.

Историческая родина выступает не только фактором поддержания актуального уровня этнической идентичности членов диаспоры (т.е. выступает фактором социокультурного воспроизводства общности), но и зачастую выступает донором миграционного воспроизводства диаспорной совокупности. Если для большинства постсоветских диаспор их историческая родина выступает донором миграции, то для другой части диаспор историческая родина выступает их миграционным реципиентом. В первую очередь это касается диаспор европейских народов и еврейской общины. Несмотря на то, что миграционный отток данных общин в настоящее время существенно ослаб по сравнению с периодом 1990-х – начало 2000-х гг., он не исчез совсем [5].

Характер межэтнических отношений между различными компонентами этнической структуры регионального социума (в т.ч. диаспорами) зачастую обуславливается состоянием международных связей государств. При этом значение имеет не только отношение исторической родины с государством гражданской принадлежности, что наглядно продемонстрировала ситуация вокруг грузинской диаспоры в России в период обострение в августе 2008 г. грузино-югоосетинского конфликта, куда были вовлечены и российские военные. Учитывается и конфликты между государствами титульной принадлежности диаспор, в которые Россия не вовлечена непосредственным образом. Так, например, обострение конфликта между Азербайджаном и Арменией традиционно провоцирует рост напряженности между диаспорами их народов в России.

Особенно наглядно международный фактор в отношениях исторической родины и государства гражданской принадлежности проявился в ходе развития украинского кризиса последних лет. С одной стороны украинская диаспора внутри России испытала кризис идентичности, который проявился как в отрицании своей украинской национальности или в противопоставлении себя к политической элите государства своей титульной принадлежности (т.е. исторической родине). Сам функционал национально-культурных объединений украинцев начал резко меняться в сторону расширения своего медиаторского наполнения, а диаспора все больше приобретает черты института общественной дипломатии. Одновременно украинская диаспора столкнулась с абсолютно новым для себя феноменом украинофобии, а также с отказом дипломатических служб Украины идти на контакты с диаспорой [6].

Таким образом, историческая родина является консолидирующим компонентом диаспорной идентичности, обеспечивающим интеграцию

группы и обеспечивающим символическим и иным ресурсным потенциалом ее социокультурное воспроизводство. Кроме того, историческая родина является источником миграционного воспроизводства диаспоры, реализующимся преимущественно по сетевому принципу. Состояние международных отношений государства гражданской принадлежности диаспоры и ее титульной страны является фактором развития межэтнических отношений в регионах локального проживания представителей общины, провоцирует рост напряженности или наоборот межэтническую консолидацию, обуславливает возможность развития этнонигилистических установок среди наиболее инкорпорированной части диаспоры. Несмотря на подобные риски существование диаспоры вне представлений об исторической родине не возможно, так как сама природа формирования диаспорной общности увязывается с процессами ее исторического исхода с территории локализации этнического ядра.

Литература:

1. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. 544 с.
2. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Коллективная монография / Отв.ред. Ю.Г. Волков. – Ростов-н/Д – М.: Социально-гуманитарные знания, 2011.
3. Полоскова Т.В. Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. – М.: Научная книга, 2002. 284 с.
4. Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление (Северо-Кавказский регион). – Ростов-н/Д – Пятигорск: Изд-во СКАГС, 2002. 628 с.
5. Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения : сб. ст. / колл. авт.; под ред. А.В. Дмитриева. – М.: РУСАЙНС, 2016. 226 с.
6. Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В. Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности // Гуманитарий Юга России. 2016. №5. С.63-73.

К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

А.А. Вартумян

Доктор политических наук, профессор
Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказский федеральный университет
г. Пятигорск

Аннотация. В настоящей работе определяются факторы этносоциального развития российских регионов, отмечается наличие прямой корреляции между этносоциальной структурой населения и этноконфессиональной спецификой региона в процессе преодоления социально-политической напряженности на Северном Кавказе.

Ключевые слова: этносоциальные процессы, «этнический фон», межконфессиональные отношения, регион.

На Юге России в Адыгейской университете сложилась своя, эффективно действующая школа научных исследований по заданной тематике. Коллеги из Республики Адыгея на протяжении длительного временного промежутка выявляют эффективные подходы, методы и способы регулирования этносоциальных процессов, снижения «этнического фона» напряженности на Юге России в условиях новых трендов и вызовов. Настоящая статья в теоретическом и методологическом отношении продолжает научное сотрудничество адыгейских коллег с учеными Юга России.

Социально-политические и этносоциальные процессы на Северном Кавказе характеризуются противоречивыми тенденциями. По мнению Внуковой Л.Б., с одной стороны, на лицо стабилизация обстановки и позитивные изменения, с другой, наличествуют социальные, экономические, межэтнические и другие противоречия на фоне борьбы между клановыми группами за власть и экономические ресурсы при ущемлении интересов и потребностей населения [1].

Какие факторы влияют на конфликтную ситуацию на Северном Кавказе:

- повышенная значимость этнической идентификации в самосознании северокавказских этносов по сравнению с другими типами социальной идентификации;

- наследие национально-территориальных переделов, касающихся изменения не только границ, но и статуса национально-территориальных образований;

- особенности менталитета горских народов Северного Кавказа, значимым компонентом которого выступает культ оружия и силы;

- значительно поздним присоединением народов Северного Кавказа к России, что затрудняет формирование образа России как Родины;

- последствия депортаций и массового переселения народов, произошедшего в советское время [2].

В Республике Дагестан из 2365 мечетей половина не зарегистрированы и не подчиняются «Духовному управлению мусульман», в котором доминируют аварцы [3].

Межконфессиональные отношения в регионе являются сложными и нередко тесно переплетаются с противоречиями межэтническими.

Проблемы этносоциальные обозначены в стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, например: «По таким ключевым социально-экономическим показателям, как валовой региональный продукт на душу населения, производительность труда и средняя заработная плата, бюджетная обеспеченность, уровень развития реального сектора экономики и

вовлеченность во внешнеэкономическую деятельность, Северо-Кавказский федеральный округ заметно отстает от других федеральных округов» [4].

Позиция Русской Православной Церкви актуализировала проблему «созидания мира» на Северном Кавказе [5]. В марте 2011г. было образовано три новых епархии: Ставропольская и Невинномысская, Пятигорская и Черкесская, Владикавказская и Махачкалинская. Мы сталкиваемся с определенной государственной и церковной политикой по противодействию оттоку русского населения из национальных республик [6].

Подводя итог, отметим, что в краткосрочной перспективе наибольшей вероятностью в 2012г. характеризовался сценарий увеличения уровня социально-политической напряженности в регионе. Однако почти равная вероятность сценариев статус-кво и снижения уровня

напряженности означала возможность изменения доминирующей тенденции. В данный момент (сентябрь 2014 года) налицо снижение уровня социально-политической напряженности. На наш взгляд, этому способствует ряд факторов, среди которых первостепенную роль играют действия со стороны федеральной и региональной власти. Полученные результаты и анализ политических и социально-экономических процессов на Северном Кавказе, позволяют сделать вывод о необходимости продолжения усилий со стороны власти всех уровней, при поддержке научно-экспертного сообщества, политических и общественных сил для перехода к конструктивному сценарию развития в данном регионе. Развитие гражданского общества и становление правового государства, равенство перед законом снизят уровень социально-политической напряженности на Северном Кавказе [7].

Литература:

1. Внукова Л.Б., Челпанова Д.Д., Пашенко И.В. Социально-политическая напряженность в полиэтничном регионе. – Ростов-на-Дону, 2017. – с. 47.
2. Гриценко Г.Д. Стабилизация регионального социума и деэскалация региональных конфликтов: методологический аспект//Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т.5. Социальные и гуманитарные науки. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – с. 39-40.
3. Матишов Г.Г. Опасные тенденции и риски на южном фланге России. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – с. 257.
4. См. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России, Т. V, Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – с. 65.
5. См.: Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция. – М.: Миркаль, 2014. – с. 192.
6. Мировые религии в контексте современной культуры: новые перспективы диалога и взаимопонимания. Христианство и ислам в контексте современной культуры: новые перспективы диалога и взаимопонимания в Российской Федерации и Восточной Европы, в Центральной Азии и на Кавказе. – СПб: Русско-Балтийский информационный центр, 2011. – с. 142.
7. Историко-культурное наследие на Юге России (Научно-практическая конференция, г. Ставрополь, 9 февраля, 2015г.) – М.: Научное сообщество кавказоведов, 2015. – с. 27.

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ НА ЮГЕ РОССИИ

И.А. Васильева

кандидат социологических наук, доцент
Институт сервиса туризма и дизайна(филиал)
Северо-Кавказский федеральный университет
г.Пятигорск

А.А. Вартумян

доктор политических наук, профессор
Институт сервиса туризма и дизайна(филиал)
Северо-Кавказский федеральный университет
г.Пятигорск

Н.Г. Бондаренко

доктор философских наук, профессор
Институт сервиса туризма и дизайна(филиал)
Северо-Кавказский федеральный университет
г.Пятигорск

Аннотация. В статье концептуализируется понятие «религиозно-политический экстремизм», выявляются исторические предпосылки радикализации общества, определяются социально-политические причины проникновения международного религиозно-политического экстремизма на территорию России, анализируется деструктивный потенциал терроризма на Юге России.

Ключевые слова: религиозно-политический экстремизм, терроризм, этноконфессиональные отношения, правопорядок.

Постепенное усиление влияния внутренних и внешних тенденций на развитие религиозного экстремизма и терроризма в мусульманском мире привело в начале XXI в. к глобальному идеологическому противостоянию двух "религиозных миров", пришедших на смену светскому двухполюсному миру XX столетия [1].

Среди всех разновидностей терроризма, получивших широкое распространение в XX столетии, религиозный терроризм, претерпев значительные изменения, получил особо заметное развитие. По своим масштабам и организационной глубине он вполне может конкурировать с такими не менее мощными социально-политическими феноменами, как идеологический, националистический, государственный и международный терроризм. По всей видимости, это обусловлено тем, что религиозный терроризм, опираясь на религиозные лозунги и используя подходящие религиозные догматы, в конечном

счете, направлен на достижение вполне конкретных политических целей[1].

Использование, насильственных способов борьбы, и исключительная жестокость, проявляемая сторонниками религиозно-политического экстремизма, как правило, лишают его поддержки широких масс.

На Северный Кавказ религиозно-политический экстремизм и терроризм активно начинает проникать около двадцати лет тому назад, в первую очередь на территорию Дагестана и Чечни. Одним из важных факторов геополитического характера распространения исламского радикализма на Северном Кавказе является разносторонняя поддержка их деятельности извне многочисленными международными радикальными исламскими центрами, зарубежными культурно-просветительскими и благотворительными [2].

Исламские радикальные структуры в СКФО тесно связаны с радикальными исламистскими

организациями за рубежом, за которыми просматриваются геополитические интересы, как государств исламского мира, так и ряда западных держав. Привнесенный в нашу страну с конца 80-х гг. XX в. при мощной финансовой и организационной поддержке из-за рубежа идеология религиозно-политического экстремизма стала агрессивной идеологией, питающей идеи радикального национализма и сепаратизма для целей, далеких от нужд абсолютного большинства мусульман Юга России. Религиозно-политический экстремизм и терроризм на Юге России представлен в основном в виде ваххабизма. Исторически ваххабизм представляет собой фундаменталистское религиозное движение в суннитском исламе, ставшее идейным столпом будущего саудовского государства [2].

В то же время многие мусульманские идеологи, западные и российские востоковеды считают, что расширительная версия джихада, проповедуемая сторонниками религиозно-политического экстремизма и терроризма на Юге России, резко расходится с фундаментальными основами ислама, являются отклонением от ислама.

Функционалистическая концепция религиозно-политического экстремизма и терроризма рассматривает ислам лишь как орудие для достижения политических целей. После падения коммунистической идеологии, на постсоветском Юге России мусульмане испытывали кризис идентичности. Ислам стал одним из важнейших компонентов новой идентичности, формирующейся у мусульманских этнических групп. К сожалению, некоторые исламские группировки в качестве самоутверждения выбрали путь религиозно-политического экстремизма.

Специфический опыт религиозно-политической экстремистской интерпретации идейных доктрин ислама, его неоднозначное идеологическое и духовное влияние на мусульманский мир, политическое воздействие на ситуацию в различных, нередко немусульманских, странах и регионах, особая роль в международных отношениях в целом представляет собой уникальное явление. Мощный политический потенциал религиозно-политического экстремизма,

который оказывает непосредственное воздействие на религиозно-правовые институты соответствующих стран и регионов, практикует миссионерский экспансионизм, приобретающий все более агрессивный характер. Размах этого процесса и вовлеченность в него различных государств и народов делают современный религиозно-политический экстремизм влиятельным субъектом не только региональной, но и мировой политики [3].

Как показывает анализ деятельности сторонников религиозно-политического экстремизма на постсоветском пространстве, они стремятся путем демагогии, организации беспорядков, актов гражданского неповиновения дестабилизировать и разрушить существующие общественные структуры для достижения своих целей. При этом широко используют силовые методы - террористические акты, партизанскую войну и т. д.; в принципе отрицают переговоры, соглашения, компромиссы, основанные на взаимных уступках. Налицо проявление национального мародерства в поведении политических руководителей, которые объявили своим кредо строить благополучие своей нации (а в большинстве случаев свое личное благополучие) в ущерб достоинству и благополучию других народов [1].

Если рассматривать религиозно-политический экстремизм и терроризм на Юге России как сложные, многомерные социально-политические явления, то, решая проблему их блокирования, следует выделить наиболее важные причины и их детерминирующие факторы. К факторам, порождающим религиозно-политический экстремизм можно отнести социально-экономические кризисы, меняющие к худшему условия жизни большинства членов общества; ухудшение социальной перспективы значительной части населения; рост антисоциальных проявлений; страх перед будущим; нарастание чувства ущемления законных прав и интересов этнических и конфессиональных общностей, а также политические амбиции их лидеров; обострение этноконфессиональных отношений [3].

Все субъекты Северо-Кавказского федерального округа едины в том мнении, что основной причиной возникновения и роста религиозно-политического экстремизма является социально-экономическая напряженность, обусловленная спадом производства, падением уровня жизни значительной части населения, безработица, появление маргинальных слоев населения.-

Религиозно-политические экстремистские организации в России связаны с международным религиозно-политическим экстремизмом, терроризмом, теневым бизнесом и интересами глобальных геополитических игроков. Ряд таких организаций в качестве идеологемы используют некоторые положения ислама. В современных исламских организациях существуют внутренние противоречия, вследствие которых радикальное крыло, реформаторский и традиционный ислам находятся в конфликте. В результате возрастает политизация «радикального ислама»[2].

Международный религиозно-политический экстремизм - это политическая практика насилия, включающая в себя совокупность насильственных уголовно наказуемых деяний, совершаемых негосударственными субъектами политики на территории другого государства, посягающими на международный правопорядок и международную безопасность путем опосредованного устрашения противника. Религиозно-политический экстремизм применяется чаще всего против мирного населения, органов власти и их представителей, духовенства, т. е. против нонкомбатантов[2].

Религиозно-политический экстремизм и этнонационалистический экстремизм часто переплетаются друг с другом. Этому способствует

ряд обстоятельств. Среди них тесная историческая связь религии и этноса. Она привела к тому, что многие народы воспринимают то или иное вероисповедание как свою национальную религию, как неотъемлемую часть своего исторического наследия [3].

Националистический терроризм выражается в утверждении превосходства определенной нации или расы, направлен на разжигание национальной нетерпимости, дискриминацию представителей иных народов и преследует цель путем устрашения вытеснить другую нацию, избавиться от ее власти. Националистический терроризм органически связан с сепаратизмом, направленным на изменение существующего государственного устройства, правового статуса национально-государственных или административно-территориальных образований, нарушении территориального единства страны, выход тех или иных территориальных единиц из состава государства, образование собственного независимого государства [4].

Таким образом, терроризм в любых формах своего проявления превратился в одну из опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми человечество входит в XXI столетие. Терроризм и экстремизм в любых их проявлениях все больше угрожают безопасности многих стран и их граждан, влекут за собой огромные политические, экономические и моральные потери, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, чем дальше, тем больше уносит жизней ни в чем не повинных людей [1].

Литература:

1. Политический терроризм: категориальный анализ// <http://mirznanii.com>
2. Оссауленко С. Л. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в поликонфессиональном обществе // Молодой ученый. — 2013. — №5. — С. 545-547.
3. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в современной России (сущность, специфика проявления, профилактика)//<https://cyberleninka>.
4. Религиозно-политический экстремизм и терроризм// <http://scienceport.ru>

МОЛОДЕЖЬ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

Васильева И.А.

кандидат социологических наук, доцент
Институт сервиса туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказский федеральный университет
г.Пятигорск

Вартумян А.А.

доктор политических наук, профессор
Институт сервиса туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказский федеральный университет
г.Пятигорск

Бондаренко Н.Г.

доктор философских наук, профессор
Институт сервиса туризма и дизайна (филиал)
Северо-Кавказский федеральный университет
г.Пятигорск

Аннотация. В статье анализируются особенности проникновения экстремистской идеологии и террористических организаций в молодежную среду. Отмечается, что посредством реализации гуманистической функции образования молодежь обретает возможность осмысления деструктивного потенциала экстремизма как идеологии и практики.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, радикализм, молодежь.

Вовлечение молодежи в террористические организации в России стало одной из актуальных проблем. Сложная этнополитическая ситуация, неконтролируемая миграция и, главное, экономический кризис в наибольшей степени сказываются на молодежи. Внешние и внутренние деструктивные силы, пользуясь данной ситуацией, стремятся манипулировать молодежью, используя ее, в том числе и в экстремистских целях [1].

Социально-политические процессы в российском обществе и в молодежной среде имеют значительную региональную специфику, и обусловлена она не только неравномерностью экономического развития и уровнем финансового благополучия. Следует отметить еще такой источник экстремистских и террористических проявлений, как миграция молодежи, попавшей под влияние террористической идеологии, из республик Северного Кавказа в другие регионы России. Указанная категория граждан не всегда готова корректировать свой образ жизни, сообразуясь с иными социальными реалиями [1].

Такая, заведомо конфликтная адаптационная модель поведения не может не провоцировать негативную ответную реакцию, что, в свою очередь, создает основу для экстремистских и террористических проявлений на почве ксенофобии, этноконфессиональных предрассудков, провоцирует формирование очагов нестабильности и конфликтности, рост протестных настроений и межэтнической напряженности. И молодежь становится главным действующим лицом всех этих негативных процессов [2].

Немало факторов, способствующих тому, что молодежь наиболее подвержена воздействию экстремистской и террористической идеологии, обусловлены современным ее состоянием, а также состоянием всего нашего общества в целом. Для молодых людей во все времена были характерны: высокая подверженность радикальным идеям, отсутствие сформировавшейся жизненной позиции, целостной системы ценностей; конфликтный характер психологии переходного возраста; максимализм, склонность к применению

крайних форм протеста, поступкам под воздействием сиюминутных эмоций; неспособность в полной мере осознать последствия предпринимаемых действий. У них еще нет достаточного жизненного опыта, не сформировались устойчивые представления о справедливости, о добре и зле, о жизненных принципах и нравственных идеалах [2].

Однако в досоветский и советский периоды нашей истории естественными регуляторами процесса социализации молодежи выступали такие институты, как большая семья и авторитет семейных ценностей, церковь, жесткая вертикаль государственной власти, коммунистическая идеология и строгие моральные установки. В условиях нынешнего переходного периода от социализма и советских ценностей к буржуазному строю необходимый механизм стабилизации пока не сложился. Российское гражданское общество, которое могло бы играть его роль, пока лишь в стадии становления [3].

В современной России в силу различных причин, в том числе и вследствие многочисленных непрофессиональных «реформирований», молодые люди получают «уроки» немотивированной жестокости, национальной ненависти и вражды, формируют стойкие предубеждения и негативные стереотипы в сфере межнационального и межконфессионального общения, которые потом появляются в периодически возникающих очагах напряженности и конфликтов.

Механизм террора заложен в человеке очень глубоко, замаскирован пластами словесных обоснований. Чаще всего террористическим действиям дает толчок чувство безвыходности из той ситуации, в которой оказалось некое меньшинство, психологический дискомфорт, который побуждает его оценивать свое положение как драматическое. Так, вербовка в культы проходит с личностями, которые находятся в сильном эмоциональном дисбалансе, как правило, это стресс, вызванный тяжелыми переживаниями после трагического события, развода, гибели близкого человека, потери работы и т.п. При всем различии террористических и культовых группировок всех их объединяет слепая

преданность членов организации ее задачам и идеалам. Можно подумать, что эти цели и идеалы мотивируют людей к вступлению в организацию. Но это оказывается совсем не обязательно. Цели и идеалы служат рациональному объяснению принадлежности к данным организациям. Настоящая причина - сильная потребность во включенности, принадлежности группе и усилении чувства самоидентичности [3].

Обычно членами радикальных (деструктивных и террористических) организаций становятся выходцы из неполных семей, люди, которые по тем или иным причинам испытывали трудности в рамках существующих общественных структур, потеряли или вообще не имели работу. Чувство отчуждения, возникающее в подобных ситуациях, заставляет человека присоединиться к группе, которая кажется ему столь же асоциальной, как и он сам.

В настоящее время претерпела изменения социальная база молодежных объединений экстремистской направленности. Все чаще ряды таких структур пополняют подростки из благополучных в социально-экономическом отношении семей, как правило, это учащаяся молодежь – студенты престижных российских вузов, приобретающие таким образом некую идейную платформу. Более того, становится модным участвовать в деятельности какого-либо молодежного объединения, зачастую радикальной направленности. Одновременно с этим маргинализированная молодежь пополняет ряды криминальных структур [4].

Наибольшую опасность представляют молодежные объединения праворадикальной идейно-политической ориентации, деятельность которых отличается особой жестокостью, высоким уровнем организации и привлечением значительного количества участников, наличием достаточно развитой идеологической составляющей, активным использованием разнообразных агитационно-пропагандистских форм и методов.

Особенно остро в современной России идет борьба между «фашистами» и так называемыми «антифа». Фашистское движение в современной

России - явление парадоксальное, но, тем не менее, активно набирающее силу. Его становление началось в постсоветский период на фоне распада империи СССР, как попытка, с одной стороны, сохранить политический контроль над национальными республиками, а с другой, как реакция на миграционные потоки неславянского населения в города России. Молодежные фашистские объединения отличаются подражанием немецкому нацизму, при этом агрессия направляется не на славянские народы, а на выходцев из Азии, Кавказа и др. В некоторых случаях это находит проявление в форме русского национализма, апелляции к монархии и православию. В этом смысле активисты движения стремятся разграничить немецкий фашизм и современный русский национализм. Фашизм для многих его последователей сегодня - это идея наведения порядка, восстановления былого могущества нации, которая оказывается востребованной на фоне духовного и ценностного кризиса, отсутствия национальной идеи, соблюдения прав человека. Фашизм предельно упрощает все проблемы - от сведения «неарийца» к образу врага и до его истребления. Эта идеология, основанная на древней тяге к «богоизбранности» и национальной исключительности, опирается на мощный энергетический потенциал коллективной психологии масс[4].

Опасность представляет процесс вовлечения молодежи в деятельность различных деструктивных сект и нетрадиционных для России религиозных учений и культов. Идеологическая

основа многих из них отличается крайним цинизмом и открытым надругательством над традиционными вероисповеданиями, тесной связью с криминальными структурами, враждебностью государственным институтам, а практика социального поведения их последователей – неразборчивостью средств, для достижения своих узкокорпоративных целей. Большинству из них чужды и неведомы такие понятия, как патриотизм, гражданский долг, моральные нормы и нравственные принципы [5].

Особенно активно негативные процессы и явления в среде молодежи начинают проявляться и развиваться в условиях социально-политической и экономической нестабильности, поскольку эта наиболее мобильная и активная часть общества наименее защищена от кризисных явлений, в первую очередь вследствие того, что, не располагает «подушкой безопасности» в виде накоплений и достаточной социальной поддержки государства.

По нашему мнению, в современных условиях нужна такая система образования, которая способна разоблачать порочность экстремистской идеологии и практики. Которая способна формировать широкий кругозор знаний, прививать гуманистические ценности и мораль, обогащать жизнь людей здоровыми целями и нравственным смыслом, развивать способности самоанализа критического мышления научного склада ума, логики используя при этом все эффективные средства эмоционального и рационального воздействия на людей.

Литература:

1. Профилактика экстремизма и терроризма: <http://www // kargopoland.ru>
2. Методические материалы по профилактике терроризма и экстремизма: Учебно-методическое пособие / Часть вторая. – Уфа: Издательство ИРО РБ, 2013. – 108 с.
3. Особенности профилактики и борьбы с проявлениями экстремизма и терроризма в молодежной среде: <http://www // mirniy.ru>
4. М.А. Адамова К вопросу о мерах противодействия экстремизму в молодежной среде <http://www // pglu.ru>

ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ

М.В. Верстова

кандидат психологических наук, доцент
Кубанский государственный университет
г. Краснодар

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам профилактики экстремизма в полиэтничном пространстве Юга России. Автор отмечает, что молодежь в силу отсутствия жизненного опыта попадает в наиболее уязвимую группу социокультурного риска, исходящего от деятельности экстремистских организаций.

Ключевые слова: экстремизм, полиэтничный социум, молодежь, профилактика.

На современном этапе в условиях изменения ценностей происходит дестабилизация идентичности личности, в связи с чем происходит обращение личности к своим историческим и архетипическим корням – религии и этносу.

Усиление значимости этнического фактора может провоцировать возникновение таких проблем как отчуждение собственного «Я» и – распространение межэтнических конфликтов, националистической идеологии, ксенофобии и экстремизма.

Проблема экстремизма и конфликтности актуальна в современных условиях (например, инциденты на Болотной площади, Манежной площади, Бирюлево, экстремистские инциденты в республиках Северного Кавказа, особенно событий последних трех лет на Украине).

Везде молодежь играла активную роль в экстремистских выступлениях.

Наиболее опасным, с точки зрения вхождения в поле экстремистской активности, является возраст от 14 до 22 лет.

На это время приходится наложение двух важнейших психологических и социальных факторов. В психол. плане подростковый возраст, и юность характеризуются развитием: самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни.

Именно в это время подросток озабочен желанием: найти свою группу, поиском собственной идентичности, которая формируется по самой примитивной схеме «мы» – «они».

В социальном плане большинство молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет оказываются в позиции маргиналов, когда их поведение не определено никакими социально-экономическими факторами (семья, собственность, перспективная постоянная работа и др.).

Молодые люди, продолжая образование, покидают школу, семью, уезжают в другой город или регион, оказываясь в ситуации и свободы, и социальной незащищенности. В итоге молодой человек мобилен, готов к экспериментам, участию в акциях, митингах, погромах.

При этом готовность к подобным действиям усиливается из-за его низкой материальной обеспеченности, в связи с чем участие в оплаченных кем-либо акциях протеста может рассматриваться как допустимая возможность дополнительного заработка. Поиск идентичности, попытки закрепиться в жизни ведут к неуверенности, желанию сформировать круг близких по духу людей, найти ответственного за все беды и неудачи.

Таким кругом вполне может стать экстремистская субкультура, неформальное объединение, политическая радикальная организация или тоталитарная секта, дающая им простой и конкретный ответ на вопросы: «Что делать?», и «Кто виноват?».

В настоящее время экстремистское поведение в большинстве случаев связано с религиозными либо национально-этническими конфликтами, поэтому зачастую попытки его объяснить сводятся к идее противостояния культур и

возникающей при этом ксенофобии, обычно понимаемой как ненависть, нетерпимость к чему-либо или кому-либо чужому, непривычному, незнакомому, но значение его можно представить гораздо шире. Дословный перевод этого термина означает «страх чужого, иного», что в точности отражает психологическую природу этого явления.

Теоретический интерес к проблематике экстремизма берет начало во второй половине XX века. Специфика данной проблемы рассматривается в научных (антропологических, философских, религиоведческих, юридических, экономических) кругах, но и в СМИ, анализируется общественными и государственными ведомствами.

В последнее время экстремизм стал объектом исследования различных социально-гуманитарных наук: социологии, философии, политологии, психологии, юриспруденции и педагогики. Однако, несмотря на многолетнее использование в социально-политической лексике термина «экстремизм», универсального его определения до сих пор не выработано. В течение последних лет отечественные исследователи занимались разработкой данной проблематики. Работы Е. Олифиренко, целью которых было выявление особенностей молодежного экстремизма в Северо-Кавказском регионе и поиск путей преодоления; работы М. Шовгенова, выявляющего взаимосвязь социального и семейного неблагополучия с экстремистскими практиками молодежи; В. Дия, определяющего тенденции информационного и молодежного экстремизма; коллектив исследователей Кубанского Государственного университета во главе с Т.А.Хагуровым, целью исследования которых было прогнозирование и профилактика молодежного экстремизма и этносоциальных конфликтов в полиэтничном регионе на примере Краснодарского края [13, 14].

Литература по проблемам этнических конфликтов, формам и способам их урегулирования крайне велика и разнообразна.

Термин «этнос» восходит от греческого «ethnos», что означает «стая», «рой», в других

интерпретациях – «племя», «народ», «люди». *Этнос* – исторически сложившаяся этническая общность – племя, народ, нация.

Нация - исторически сложившаяся устойчивая общность людей, образующаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. В другой интерпретации, *нация* – исторически складывающаяся на основе капиталистического или социалистического способов производства устойчивая общность людей, связанная общностью языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры и форм быта [9].

Если в прошлом экстремизм напрямую связывали с бедностью, тоталитаризмом, низким культурным и материальным уровнем различных социальных, религиозных, национальных групп, то сейчас пришло осознание того, что это явление намного многоаспектнее и сложнее, и оно во многом присуще демократическим и либеральным обществам.

Мнение Т.А. Аристарховой – экстремизм специфическая деятельность, которая опирается на идеологическую основу как отрицание всякого инакомыслия, попытке в жесткой форме утвердить свою систему взглядов и навязать ее оппонентам любой ценой, при этом, при помощи способов, противоречащих закону [1]. Социолог И.В. Вехов, - определяет как девиантное поведение, вполне осознанное и идеологически обоснованное, которое находит свое выражение в действиях, направленных как на полное, так и на частичное отрицание действующего общественного устройства или же в призывах к осуществлению таких действий [5].

Н.Н. Афанасьев – понимает приверженность к крайним толкованиям и методам действий, основанием которых является нетерпимость к иной точке зрения и жесткое сопротивление. Экстремизм является изначальным отрицанием всякого чувства меры. В практической же деятельности это неизбежно приводит к насилию [2].

Профилактика экстремистской деятельности включает в себя: подготовку и реализацию государством и уполномоченными им органами комплексной системы политических, социально-экономических, информационных, воспитательных, организационных, оперативно-розыскных, правовых, специальных и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресечение террористической деятельности, минимизацию ее последствий, установление и устранение способствующих ей причин и условий.

Профилактика экстремизма – это не только задача государства, но и задача представителей гражданского общества. Эта работа зависит от четкой позиции общественных и религиозных объединений, граждан. В нашей стране профилактика экстремистских проявлений должна рассматриваться как инструмент объединения усилий граждан России в укреплении экономического и политического потенциала. При организации профилактической работы важно учитывать социально-экономические и возрастные особенности разных периодов, в которых оказываются подростки и молодежь.

Краснодарский край – это целый регион, в котором несколько крупных городов, свой центр, не считая десятка поселков. В крае проживают русские, армяне, греки, немцы, турки, адыги или черкесы (шапсуги, натухайцы и др., которые являются коренным населением края) и другие национальности.

Губернатор Кубани Вениамин Кондратьев – Наш край, как и прежде, дом для 120 национальностей, – Мы живем большой семьей, уважая ценности и культуру каждого. Кубань - многонациональна. Главное, жить в мире и согласии, уважать традиции и культуру друг друга. Краснодарский край - это наш общий дом.

Межэтнические отношения в Краснодарском крае и республике Адыгея отличаются особой сложностью, что обусловлено географическим расположением регионов, активностью миграции

населения, а также многонациональным составом проживающих лиц.

Представители одной нации наравне с общечеловеческими качествами обладают особенностями, типичными для всех представителей только данной нации или этнической группы и нетипичными для представителей другой.

В условиях межэтнических отношений эти различия абсолютизируются, способствуют делению на «своих» и «чужих», приводят к формированию этнических предрассудков, поэтому важно изучать не только конкретные причины, но и возможные потенциалы межэтнической конфликтности.

Таким образом, экстремизм имеет достаточно сложную структуру со своими философскими и мировоззренческими взглядами, тактикой и стратегией действий, пропагандой, методами, акциями, лозунгами и средствами. Также у экстремизма имеется весьма обширная платформа для многоликого проявления.

В Краснодарском крае был диагностирован средний потенциал межэтнической конфликтности. Для жителей Краснодарского края, характерны проявления относительно средней степени агрессивности, с преобладанием таких видов агрессии, как вербальная и самоагрессия. Общая коммуникативная толерантность также находится на среднем уровне [4].

Приемлемость адыгами русских находится на довольно высоком уровне, 60% готовы включить в члены своей семьи представителей этой национальности; по отношению к армянам, украинцам – находится в пределах нормы.

Таким образом, на основе анализа теоретических и эмпирических результатов исследования, можно сделать вывод, что изучение экстремизма в межэтнической молодежной среде дает возможность разработать модель диагностики таких проблем, как экстремизация населения, которая позволяла бы прогнозировать их дальнейшее развитие.

Литература:

1. Аристархова, Т. А. Основные черты и особенности молодежного экстремизма / Т.А. Аристархова // Известия Тульского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 32–37.
2. Афанасьев, Н. Н. Идеология терроризма / Н.Н. Афанасьев // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 233–234.
3. Бочков, А.А. Понятие, причины и пути борьбы с экстремизмом / А.А.Бочков, В. М. Бородич, Е. Ф. Ивашкевич // Социально-гуманитарные знания. – 2006. – № 7. – С. 22–38.
4. Верстова, М.В., Хосонова, Л.В. Этнопсихологические особенности отношения молодых людей к экстремизму / Человек. Сообщество. Управление: взгляд молодого исследователя. Управление: материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.В. Егупова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. - Том 2 – Россия, Краснодар. 2016
5. Вехов, И.В. Экстремизм как объект социологического исследования / И. В. Вехов // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2009. – № 10. – С. 29–40.
6. Дмитриев, А. В. Конфликтология / А.В. Дмитриев. – М.: Гордарики, 2000. – 245 с.
7. Лопатин, И.Д. Экстремизм как социально-политическое явление современного мира (особенности его возникновения и развития в России): дис. ... канд. полит. наук / Лопатин Иван Дмитриевич. – Ярославль, 2007. – 228 с.
8. Никитин, А.Г. Экстремизм как объект общетеоретического и общеправового анализа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Никитин Алексей Григорьевич. – М., 2010. – 23 с.;
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.
10. Ростокинский, А. В. Проблемы формирования мировоззрения: ловушки экстремизма // А. В. Ростокинский // Бизнес в законе. 2011. №6. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemuy-formirovaniya-mirovozzreniya-lovushki-ekstremizma> (дата обращения: 26.12.2016)
11. Русанова, О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) / О.А. Русанова // Вестник Московского университета. – 2005. – № 2. – С. 21–41.
12. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.
13. Хагуров Т.А. (ред.) Профилактика экстремизма в среде учащейся молодёжи / Учебное пособие для педагогов и специалистов по воспитательной работе. – Краснодар: Парабеллум, 2015. — 128 с.
14. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования / Т.А Хагуров [и др.]. – Краснодар: Парабеллум, 2015. – 232 с.
15. Ямсков, А.В. Этнический конфликт: проблема дефиниции и типологии / А. В. Ямсков. – М.: Центр Карнеги, 1997. – 346 с.

ВЛИЯНИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМА НА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

И.Н. Гайдарева

кандидат социологических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

М.А. Ешев

кандидат социологических наук
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация. В коллективной статье раскрываются особенности влияния идеологии и практики этнонационализма на социально-политические процессы в России, рассматриваются правовые инструменты противодействия этнополитических конфликтов в современном российском обществе.

Ключевые слова: этнонационализм, социально-политические процессы, межэтнические конфликты, патриотическое воспитание.

Проблема межнациональных, этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве остается одной из актуальных. Кроме целого пласта исторических предпосылок, есть и другие – это неподготовленность государства и общества к восприятию и правовому разрешению проблем национальностей, национальных меньшинств, оказавшихся в различном социально-психологическом положении после развала Союза [1, с.36]. Сложившаяся ситуация усложняется и нерешенностью проблем взаимоотношений, во-первых, между «старыми» нациями и новыми суверенными государствами, а во-вторых, между национальным большинством, именем которого называются эти государства, и национальным меньшинством, которое хочет обрести свой собственный национально-государственный суверенитет.

Научное осмысление проблем межэтнических конфликтов, особенно тех, которые создают реальные угрозы международному миру и безопасности, играют большую роль в современной науке. Оно может дать возможность специалистам иметь более широкое представление о международной обстановке,

основных причинах и характере региональных конфликтов и возможностях их решения.

Стоит отметить, что под термином "межэтнический конфликт" мы понимаем разновидность этнополитического и социально-политического конфликта, субъекты которого идентифицируют себя и противоположную сторону в этнических категориях и содержанием которого является борьба за обладание политической властью. Эта борьба может продолжаться вплоть до образования собственного национального государства, трактуемого как форма самоопределения и организации той или иной нации на определенной суверенной территории, выражающая волю этой нации [2, с. 29].

Межэтнические конфликты, как правило, являются следствием целого комплекса глубоких и разноплановых социальных противоречий. Они всегда имеют ряд конфликтогенных факторов, явные и латентные интересы сторон, определенные этапы развития. Но каждый межэтнический конфликт начинается с межэтнической напряженности.

Механизм зарождения межэтнических конфликтов сложен и противоречив, первопричина их вовсе не обязательно связана с

собственно межэтническими различиями или нетерпимостью к инакомыслию. Эти факторы приобретают решающее значение по мере усиления непримиримости противоречий и трансформации их в противостояние.

Между тем представляется, что такие явления, как патриотизм, национализм в своих крайних, радикальных формах проявления, будут оказывать существенное дестабилизирующее воздействие на состояние межэтнических коммуникаций.

Национализм является значительной и все более возрастающей силой в политической жизни, он может служить как конструктивной, так и деструктивной составляющей в развитии общества и государства. Как известно, в современной науке общепризнанным является разделение национализма на два основных типа: гражданский (государственный) и этнический (этнонационализм).

Многие западные ученые XX века, так или иначе, связывали появление и развитие национализма с этносом или этнической идентификацией. Тем самым отождествляя этнонационализм с национализмом вообще. Этнический национализм основан на признании нации высшей формой этнической общности, которой принадлежит исключительное право обладания государственностью. Этнонационализм полагает, что нация основана на общем реальном или предполагаемом происхождении. Принадлежность нации определяется объективными генетическими факторами, «кровью». Сторонники данной формы утверждают, что национальная самоидентификация имеет древние этнические корни и потому носит естественный характер. Они высказываются за самоизоляцию культуры этнического большинства от других групп и не одобряют ассимиляцию. Этнический национализм предполагает предоставление преимуществ одной государствообразующей нации, которые могут выражаться в ее эксклюзивном статусе, особом положении языка, наделения такой нации исключительными

социальными, экономическими и политическими правами.

Сегодня, когда права и свободы человека вне зависимости от его этнического происхождения имеют универсальный характер и обеспечиваются международными институтами, этнический национализм является рудиментарным барьером и следствием авторитаризма и шовинизма властных элит.

В настоящее время «националистическими» называют, как правило, те движения, которые делают акцент на этнонационализме. Чтобы культурные традиции или этническая принадлежность легли в основу национализма, они должны содержать в себе общепринятые представления, которые способны стать ориентиром для общества. В связи с чем, этнический национализм может трансформироваться в радикальные и экстремистские формы как нацизм, расизм, политика апартеида и сегрегации.

Современная обстановка в России и в мире характеризуется поиском путей укрепления национальной безопасности, одной из составляющих которой является конституционная безопасность, проведением всесторонних исследований различных аспектов ее обеспечения. Это обусловлено необходимостью создания внутренних и внешних условий, обеспечивающих благополучие, стабильность и устойчивое поступательное развитие личности, общества и государства.

Не случайно Президент РФ В.В. Путин на состоявшемся в августе 2012 года в г. Саранске заседании Совета по межнациональным отношениям определил в качестве приоритетных такие направления, как гармонизация межнациональных отношений и предотвращение межэтнических конфликтов, обеспечение успешной интеграции и адаптации внешних и внутренних мигрантов. В числе других он поставил перед членами Совета задачу о разработке предложений о формах работы по данному направлению в вузах, в школах, в дошкольных учреждениях [3].

Стоит отметить, что в Республике Адыгея приняты и реализуются долгосрочные ведомственные и региональные программы патриотического воспитания, правовые акты в области патриотического воспитания. Одним из важнейших нормативных документов в указанной сфере являлась Долгосрочная Целевая Программа «Патриотическое воспитание жителей Республики Адыгея на 2011 – 2015 годы». Основной целью указанной Программы являлось развитие патриотичности общества.

27 ноября 2013 года Кабинет Министров Республики Адыгея постановлением № 283 утверждает новую Государственную Программу «Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание на 2014 – 2018 годы» [4].

Основными задачами указанной Программы являются: 1) укрепление единства многонационального народа Республики Адыгея и этнокультурное развитие народов Республики Адыгея; 2) патриотическое воспитание жителей Республики Адыгея; 3) развитие и укрепление связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, содействие социально-культурной адаптации соотечественников, прибывших на постоянное место жительства в Республику Адыгея; 4) поддержка и развитие средств массовой информации и книгоиздания, обеспечение информирования населения Республики Адыгея о деятельности Главы Республики Адыгея, Кабинета Министров Республики Адыгея, Государственного Совета –

Хасэ Республики Адыгея; 5) обеспечение реализации государственной программы.

Реализация данной программы призвана способствовать укреплению гражданского самосознания, положительной динамике патриотизма, стабилизации и гармонизации межэтнических коммуникаций, обеспечению национальной безопасности как в самой Республике Адыгея, так и в России в целом.

Постановлением Кабинет Министров Республики Адыгея от 23 ноября 2016 года № 219 было решено продлить срок реализации государственной программы Республики Адыгея «Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание» на 2014 - 2018 годы» до 2020 года.

Таким образом, межэтнические конфликты являются серьезным дестабилизирующим фактором в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства. Вопросы, связанные с поиском механизмов устранения рассматриваемых конфликтов, занимают центральное место в реализации национальной политики российского государства. При этом, эффективность существующих способов решения межэтнических конфликтов зависит и от формирования здоровой поликультурной среды в России. Вследствие чего, одной из важнейших задач государственных и общественных институтов становится контроль и выявление очагов межэтнической напряженности и конфликтов, одним из факторов обострения которых является этнонационализм в своих крайне радикальных формах.

Литература:

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М., 2007.
2. Галустова О.В. Конфликтология в вопросах и ответах: Учебное пособие. М.: Проспект, 2006. С. 29.
3. Президент РФ: официальный сайт. URL: <http://президент.рф/новости/16292>.
4. Государственная Программа «Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание на 2014 – 2020 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/460218073>.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ

Л. А. Делова

кандидат социологических наук

*ГБУ РА «Адыгейский республиканский университет
гуманитарных исследований имени Т. М. Керашева»*

Аннотация. В статье рассматривается демографическая ситуация в российском обществе, анализируются меры по реализации и совершенствованию демографической политики, утвержденные правительством Республики Адыгея.

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографическая политика, демографический рост, репатриация.

Начиная с девяностых годов XX века в России, в том числе в Адыгее, наблюдается депопуляция или естественная убыль населения – смертность превышает рождаемость, поколение родившихся меньше предыдущего, что вызывает серьёзную тревогу. Не происходит не только расширенного, но и простого воспроизводства населения. По прогнозам учёных на последующие годы, уровень рождаемости будет снижаться, показатели смертности увеличиваться, то есть естественная убыль россиян, в том числе жителей Адыгеи, будет возрастать, масштабы естественной убыли значительно возрастут.

В 2007 г. в России была принята «Концепция демографической политики до 2025 года»[1], целью которой являются постепенная стабилизация численности населения и формирование предпосылок последующего демографического роста.

Кабинетом Министров Республики Адыгея (Распоряжение от 24 апреля 2008 года N 176-р, в последующем – (Распоряжение от 21.11.2016 года № 249-р) утверждена «Концепция демографической политики в Республике Адыгея» [2].

Целью «Концепции» является стабилизация численности населения в Республике Адыгея и формирование предпосылок к последующему демографическому росту путем повышения рождаемости и снижения смертности.

Для достижения данной цели ставятся следующие задачи.

В области укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения:

- 1) увеличение ожидаемой продолжительности жизни населения;
- 2) укрепление репродуктивного здоровья населения, здоровья детей и подростков;
- 3) улучшение качества жизни хронически больных и инвалидов;
- 4) снижение младенческой и материнской смертности;
- 5) увеличение продолжительности активной жизни, создание условий для ведения здорового образа жизни и снижение уровня заболеваемости населения.

В области стимулирования рождаемости и укрепления семьи:

- 1) создание предпосылок для повышения рождаемости;
- 2) всестороннее укрепление института семьи как формы гармоничной жизнедеятельности личности;
- 3) создание условий для самореализации молодежи и ее подготовка к семейной жизни;
- 4) обеспечение условий для всестороннего развития семьи, ее демографических, экономических, социально-культурных, духовно-нравственных функций, приоритетная поддержка многодетных семей;
- 5) повышение жизненного уровня населения Республики Адыгея на основе обеспечения эффективной занятости трудоспособных граждан, роста доходов семей, позволяющих реализовать их репродуктивный потенциал, и установленных законодательством социальных гарантий;

6) укрепление института семьи, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций семейных отношений;

7) обеспечение правовой и финансовой поддержки оздоровления демографических процессов.

Решение задачи по привлечению мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития в рамках полномочий, предоставленных федеральным законодательством, включает в себя:

1) содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, а также стимулирование возвращения в Российскую Федерацию эмигрантов;

2) создание условий для интеграции иммигрантов в российское общество и формирование толерантного к ним отношения.

Правительство Адыгеи озабочено сложившейся тяжёлой демографической ситуацией в республике. 24 августа 2017 года в здании Государственной филармонии Республики Адыгея состоялся республиканский форум «Сбережение нации: проблемы демографии, медицины и здоровья населения Республики Адыгея».

До 1 сентября этого года 170 многодетных семей получили участки на улице Ниспоташной, где сформирована инфраструктура. Майкопчане знают, что это в черте города, так называемого

«Старого базара», неплохой обжитой район. Кроме того, правительством республики приняты меры, чтобы без задержек и волокиты многодетные семьи смогли бесплатно оформить полученные участки в собственность. В следующем, 2018 году, на месте бывшего аэродрома будет выделено 700 участков для передачи многодетным семьям. В республике востребованной остаются и такие меры поддержки, как предоставление социальных выплат на строительство или приобретение жилья, предоставление земельных участков. К примеру, в прошлом году благодаря полученной субсидии свои жилищные условия улучшили 235 молодых семей. В этом году это смогут сделать уже 264 семьи. Свою высокую социальную значимость доказала мера по предоставлению материнского капитала при рождении второго и последующих детей, а также предоставление единовременной выплаты в размере 50 000 рублей, которая введена в Адыгее с 2012 года для поддержки семьи при рождении третьего ребенка и последующих детей. Ежегодно за получением данной выплаты обращаются около 1000 человек.

По данным на 1 июля текущего года, 175 семей, имеющих троих и более детей, получили бесплатно в собственность земельные участки. За весь прошлый год такой мерой поддержки воспользовались 279 семей.

Таким образом, Правительство Республики Адыгея предпринимает ряд мер для улучшения демографической ситуации в регионе.

Литература:

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html> (дата обращения 18. 11. 2017).
2. Концепция демографической политики в Республике Адыгея на период до 2025 года. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/439033168> (дата обращения 18.11.2017).

УПРОЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ НАЦИИ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

З. А. Жаде

доктор политических наук, профессор
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация. В статье рассматриваются особенности эволюции политико-правового инструментария укрепления российской нации. Предлагаются административно-управленческие меры, направленные на упрочение российской нации в иерархии ценностных приоритетов государства.

Ключевые слова: российская нация, межнациональное согласие, национальная политика, политический проект.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

Разработка проекта российской нации и обеспечение единства в условиях многообразия страны и этнокультурного развития общностей и регионов является одной из актуальных проблем не только социогуманитарной науки, но и современной этнополитики. В этой связи возникает необходимость сконцентрировать внимание на концепцию российской нации, которая, по нашему представлению, является главным инновационным ресурсом «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» [1]. Этот доктринальный документ предполагает постановку и решение многих актуальных проблем, признается важность и актуальность национального вопроса и формулируются основные цели национальной политики: укрепление общероссийского гражданского единства наряду с сохранением и развитием этнокультурного разнообразия народов, населяющих страну.

В Стратегии отражена формула межнационального согласия в современной России, которая одновременно выступает и формулой практической деятельности институтов государства и гражданского общества. В основу положена забота о состоянии всех народов, а также непрерывное утверждение в жизни страны единства народов как граждан России.

В России, объединяющей множество этносов, национальная политика является важнейшим компонентом государственной политики. Специфическая черта – существенное различие населяющих ее народов по своей психологии, менталитету и социокультурным особенностям, характеру экономического поведения, формам организации общественной и государственной жизни. Это наряду с интеграционными процессами, обусловленными преимуществами объединения различных народов в едином государстве, объективно порождает центробежные тенденции. Основная задача национальной политики – максимально способствуя интеграционным тенденциям, обеспечить гармонизацию национальных интересов, дальнейшее развитие всех народов в составе единой и неделимой России.

Проблема упрочения российской гражданской нации является одной из составляющих в реестре общих сущностных проблем развития российского государства, а именно: упрочение международного авторитета, противостояние внешнеполитическим вызовам, проведение сильной внешней политики, совершенствование экономической и социальной сфер, демократизация общественных отношений, повышение качества образовательно-

воспитательной и культурно-просветительской среды [2, с. 9].

Эта проблема стала неотъемлемой частью политической повестки дня. Следует подчеркнуть, что в нашей стране с 2012 года разрабатываются проекты по созданию российской нации, приняты существенные управленческие решения в сфере государственной национальной политики. В этом же году создан Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, работа которого направлена на объединение усилий органов власти, экспертов и национально-культурных объединений в этой сфере. Ключевым шагом стало утверждение в декабре 2012 года Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. В этот период созданы также профильные подразделения Администрации Президента и Правительства Российской Федерации.

В 2015 году образован специальный орган в сфере межнациональных отношений – Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН РФ), главной задачей которого является раннее прогнозирование конфликтов, которые имеют или могут приобрести межнациональную окраску. В этой связи в ФАДН создана Система мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, призванный обеспечить анализ состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в стране, обеспечивать возможность оперативного реагирования на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций.

Еще раз подчеркнем, что новая стратегия развития России требует для своего осуществления сплоченности российского народа, обеспечения национального единства страны и мобилизации всех ее ресурсов. Такое единство может быть обеспечено лишь на основе высоких духовных ценностей, формирующих в общественном сознании чувство принадлежности к единому российскому государству. Сегодня эта задача является самой важной, и поэтому именно она должна стать приоритетной в

государственной политике России, первостепенное значение для которой имеет «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года».

Об этом речь идет и в других программных документах страны. Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» указывается на необходимость поддержки программ формирования единой российской гражданской нации, национально-государственной идентичности; в Постановлении Правительства РФ О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)» отмечается, что «поддержка общественных инициатив и мероприятий, направленных на формирование и укрепление гражданского патриотизма и российской гражданской идентичности» активно поддерживается в России сегодня.

Об этом же говорят и ведущие политические деятели, когда заявляют о необходимости формирования «русской нации» и «новой российской идентичности». Так, 20 июля 2017 года на заседании Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, посвященном реализации на региональном и муниципальном уровнях Стратегии государственной национальной политики России на период до 2025 года, Президент РФ В.В. Путин особо подчеркнул: «все, что связано с национальной идентичностью, с традициями, – сфера тонкая чувствительная, и действовать здесь следует крайне деликатно и мудро. В целом за последние годы в этой области наработан немалый и, главное, хороший, результативный опыт. Достаточно упомянуть рост числа граждан 1

России, считающих отношения между людьми разных национальностей доброжелательными. Сегодня их почти 80 %. Напомню, вы знаете об этом, еще лет так 10-15 назад ситуация была совсем иной. Наша задача – сблизить согласие, которое достигнуто в обществе, в первую очередь, обеспечив постоянное взаимодействие и

конструктивный диалог власти и институтов гражданского общества» [3].

Представляется, что упрочение российской нации предстает фундаментом функционирования социально-политической структуры и обеспечения национальной безопасности, основным объектом которого является народ. Принимая во внимание то обстоятельство, что население России полиэтнично, постоянный поиск путей оптимизации межэтнических отношений становится объективно необходимым условием достижения социально-политической стабильности, межэтнического согласия и межконфессионального мира. Это, несомненно, ключевая задача государственного управления, без позитивного решения которой вряд ли возможно динамичное функционирование и развитие страны.

Важнейшими направлениями в процессе упрочения российской нации в административно-управленческой сфере являются:

- разработка федеральных и региональных проектов по упрочению российской нации;
- формирование с помощью СМИ толерантной общественной среды, прежде всего, в том, что касается отношений между людьми различных культур, национальностей, вероисповедания и происхождения;
- поддержка и систематическое проведение органами государственной власти мероприятий по взаимному ознакомлению с культурными достижениями народов и этносов нашей страны

под девизом «К российской идентичности через диалог культур».

Укрепление единства российской нации при обеспечении этнокультурного развития народов Российской Федерации – это генеральное направление реализации государственной политики, ключевыми аспектами которой являются, с одной стороны, создание общегражданского российского проекта идентичности на основе политико-правового равенства, общности идеологии, гражданских институтов и территории; с другой стороны, актуализация достойного, общего для всех граждан исторического прошлого, поддержка традиций, формирующих патриотическую позицию.

Таким образом, в современных условиях, когда одной из основополагающих задач государства и общества является упрочение российской нации, в иерархии ценностных приоритетов на первое место следует поставить укрепление гражданской идентичности, ее утверждение на всех уровнях – человека, социума, государства. Есть все основания полагать, что в этой ситуации именно объединение российской нации превращается в один из главных ресурсов обеспечения безопасности страны. Выделение и обоснование данного феномена позволит выработать меры по укреплению российской государственности, разрешить конфликтные проблемы в функционировании российского социума и сформировать имидж страны как великой державы.

Литература:

1. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://www.kremlin.ru/news/17165> (Проверено 26.11.2017).
2. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Межнациональные отношения в современной России: инновации политики и управления // Культурное наследие России. 2016. № 3. С. 8-12.
3. Заседание Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям [Эл. ресурс] // Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (Проверено 26.11.2017).

ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Н.А. Ильинова

кандидат социологических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

С.А. Сетова

аспирант кафедры философии и социологии
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация. В статье отмечается конструктивный потенциал патриотического воспитания в процессе гармонизации межэтнических отношений на Юге России. На основе проведенного социологического исследования авторы делают вывод о необходимости наделять повседневную деятельность индивида патриотическим содержанием.

Ключевые слова: глобализация, патриотизм, этносоциальные процессы, этнические маркеры.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

Глобализация общественной жизни вызвала интерес к возрождению национальной культуры и росту национального самосознания. Начиная с середины XX века, тенденция к глобализации качественно повлияла на общество, однако сегодня, в первой четверти XXI века, примат глобализационных процессов уже не рассматривается как нечто позитивное априори. Роль средств массовой информации в жизни современного общества переоценить достаточно сложно, и не напрасно СМИ называют четвертой ветвью власти, действие которой имплицитно. Способ комментирования социальных процессов в СМИ, эмоциональная нагрузка передаваемого в массы материала могут оказать как конструктивное влияние на развитие общества, так и деструктивное. Трансляция средствами массовой информации позитивного либо негативного отношения к своей Родине представителям различных этносов способствует интеграции/дезинтеграции российского общества. И несмотря на то, что средства массовой информации позволяют миллионам людей становиться свидетелями событий, происходящих в разных местах, приобщаться к одному и тому же культурному опыту, повсюду

одни и те же потребительские товары, а активные миграционные процессы, временная работа за границей, туризм знакомят людей с образом жизни и нравами других стран, мы не можем не оценить тезис Л.Н. Гумилева [1] о том, что человеческое многообразие является результатом действия закона всеобщего развития. То есть человеческое разнообразие, этническое многообразие – это неотъемлемая часть жизни общества.

Россия является государством со сложным этнокультурным составом населения, интегрирующим фактором жизнедеятельности которого выступают культура и язык преобладающей части российского социума. Синтез представлений большинства о единой территории, историческом прошлом, ценностных ориентациях выступает основанием, позволяющим преодолевать дезинтеграционные вызовы и риски. Затянувшееся состояние транзитивности российского социума обуславливает ценностный вакуум, что приводит к отказу от апробированных веками практик этносоциального взаимодействия и может быть оценено как дезинтеграционный вектор построения социального бытия.

На наш взгляд, в качестве основного агента интеграции российского полиэтничного общества выступают межэтническое согласие и толерантность, которые являются следствием осознания представителями различных этносов единой судьбы российского народа.

Такое социальное явление как патриотизм мы считаем возможным рассматривать в качестве активной жизненной позиции, направленной на позитивное преобразование своей Родины и себя самого в целях повышения эффективности развития государства в целом.

По мнению исследовательского коллектива Института социологии РАН под руководством академика М.К. Горшкова [2; 107], в структуре российского общества большинство граждан - 52% - ориентированы на поддержку государства, т.е. высказывают пассивную жизненную позицию, выражают потребительское отношение к обществу, против 48%, рассчитывающих в развитии на собственные силы. Однако импонирует желание 58% опрошенных бороться за собственные права и интересы, в отличие от 48% - готовых плыть по течению, приспособливаться к социальной реальности, а не изменять ее, выражая свою устойчивую жизненную позицию и желание изменить свою страну, вывести ее на лидирующее положение по различным показателям.

Консолидирующий фактор жизнедеятельности российского социума, в свою очередь, служит основанием для актуализации патриотической тематики на новом этапе развития российского общества. Так, у 86% [2; 254-255] населения России слово «Родина» вызывает позитивные чувства и ассоциации, а по данным исследования научного коллектива кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, преобладающее число (83,6%) жителей Юга России убеждены, что Россия – общий дом многих народов и все народы России должны обладать равными правами.

Согласно Конституции нашей страны, Россия - многонациональное государство, и в этом контексте сохранение этнокультурного многообразия необходимо рассматривать с

позиций государственной значимости. А отношение к своему этносу будет проявляться либо как мироощущение, основанное на патриотизме, либо как тенденции, близкие к коллаборационизму. Однако возникает вопрос: что позволяет человеку ощущать себя представителем определенного этноса, как он относится к элементам, обеспечивающим его этническую идентичность? Ответы на этот вопрос жителей разных регионов Юга России распределились следующим образом: на первом месте по максимальному количеству баллов (68,1%) – родной язык, что в очередной раз подчеркивает значимость коммуникации (речь - это визитная карточка человека, самая надежная его рекомендация в социокультурном пространстве), на втором месте (54,5%) – обычаи и традиции, которые призваны актуализировать темы героического прошлого, величия определенного этноса и страны в целом, третье место (42,1%) занимает национальный характер, под которым мы понимаем наиболее распространенные для данной национальности специфические особенности восприятия социальных процессов и возможных реакций на них. Такие этнические маркеры, как родная земля (48,7%), религия (41,1%), происхождение (40,3%), общее прошлое (39,4%), набрали относительно одинаковое количество голосов.

Однако считаем возможным сделать вывод о неоднозначном отношении россиян к такому явлению как патриотизм. Действительно ли можно рассматривать патриотизм в качестве консолидирующего фактора российского социума? Или же многовариантная сущность рассматриваемого явления формирует в сознании современного россиянина субъективные образы, которые достаточно часто абстрактны? Для мотивации к действиям эти образы не должны терять связи с действительностью. Поэтому сегодня очень важно наделять повседневную деятельность индивида патриотическим содержанием.

Такие элементы патриотизма, как соотнесенность с родной землей, любовь к языку, уважение традиций, были сформированы еще в

древности. Второе десятилетие века XXI должно стать универсальным, должно позволять предлагает нам понимать патриотизм как любовь каждому гражданину ассоциировать себя с к отечеству, желание отстаивать его интересы. качествами, присущими патриоту. Однако, на наш взгляд, понятие «патриотизм»

Литература:

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис-пресс, 2014.
2. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая /Под редакцией М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Издательство «Весь мир», 2016. 400 с.

ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКЕРЫ КОНФЛИКТОВ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ

А.Р. Каспаров

кандидат социологических наук
преподаватель кафедры спецдисциплин
Краснодарского университета МВД России
г. Краснодар

Р.Ю. Сетов

аспирант кафедры философии и социологии
Адыгейского государственного университета

Аннотация. В статье рассматриваются этноидентификационные маркеры, с помощью которых можно оценивать конфликтологический потенциал в профессиональных группах, а данном случае - в российской полиции. Приводятся материалы анкетного опроса полицейских Республики Адыгея.

Ключевые слова: этническая идентичность, конфликт, межэтнический конфликт, профессиональная группа, полиция

На наш взгляд, одним из аспектов выявления конфликтологического потенциала в полиции полиэтничного региона являются этноидентификационные маркеры, которые в той или иной степени влияют на межличностные отношения в коллективе. В связи с этим была проанализирована специфика этнической идентичности и ее проявления в профессиональной деятельности сотрудников полиции.

В анкетном опросе, проведенном нами среди сотрудников подразделений органов внутренних дел Республики Адыгея, содержался ряд вопросов, касающихся этнической идентичности, влияния этнических традиций и этнической культуры в целом. Первоочередные задачи сводились к тому, чтобы, во-первых, показать особенности этностеретипов сотрудников полиции; во-вторых, выявить конфликтные зоны риска на межэтнической почве; в-третьих, определить ценностные ориентации членов коллектива; в-четвертых, показать степень открытости или локальности эмоциональных проявлений к представителям другой этнической культуры; в-пятых, проанализировать возможности внутренней политики руководства

подразделений по снятию межэтнической напряженности в коллективе, если такая наблюдается.

Приведем результаты, полученные при опросе сотрудников полиции русской, адыгской и армянской национальностей, поскольку, в основном, представители этих народов попали в нашу выборку. Численность распределилась следующим образом: из 250 опрошенных – 112 русских, 77 адыгов, 63 представители других национальностей [1].

На первый вопрос «Что для Вас является Родиной?» ответы респондентов разделились. Большая часть русских и представителей других этносов (85,2% и 68%) выбрали вариант «Россия», при этом они также выбирали в качестве родины Адыгею (14% и 21%). Подавляющее большинство адыгов – 70,4%, как и ожидалось, выбрали вариант «Республика Адыгея». Это объясняется тем, что они живут на своей исторической родине и, таким образом, в большей степени проявляют свою этническую идентичность. Что интересно, все группы респондентов отметили и вариант третий, когда в качестве ответа выбирали и то, и другое. На наш взгляд, это может свидетельствовать о том, что в

среде сотрудников полиции республики постепенно формируется общегражданская идентичность, которая занимает важное место в многоуровневой идентичности россиян [2].

Для выяснения уровня сформированности этнической идентичности в анкету был включен вопрос «Какое значение для вас имеет принадлежность к своему этносу?». Были получены следующие ответы: 65% адыгов ответили, что этническая принадлежность имеет большое значение, при этом лишь 32% русских и 28% представителей других этносов выбрали этот вариант ответа. В то же время 57% русских и 46% представителей других этносов ответили, что этническая принадлежность является в их жизни значимой, но не определяющей. Также стоит отметить, что 6% русских и 11% представителей других этносов выбрали вариант ответа «не имеет никакого значения», среди адыгов этот показатель равен 1,4%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что этническая идентичность у адыгов, являющихся сотрудниками ОВД республики, выражена гораздо сильнее, чем у сотрудников других национальностей, что, скорее всего, обусловлена обычаями и этнокультурными традициями, в которые адыги включены с самого рождения.

О более выраженной этнической идентичности у адыгов свидетельствуют и ответы на вопрос о роли этнического фактора в жизни современного человека. Так, 63% опрошенных сотрудников-адыгов считают, что современный человек обязательно должен ощущать сопричастность к своему этносу, этот вариант ответа выбрали лишь 39% русских и 49% представителей других этносов. 54% русских, участвовавших в опросе, посчитали, что на современном этапе развития общества принадлежность к той или иной национальности не имеет значения. С этим утверждением согласились лишь 24% адыгов и 28% представителей других этносов.

Был задан вопрос «Что является главным признаком при определении этнической принадлежности?» [3]. Основными этнодифференцирующими признаками респонденты-русские выбрали:

- 1 – знание языка (86,2%),
- 2- знание истории своего народа (79%),
- 3 – традиции и обычаи (66,4%),
- 4 – религию (60,8%),
- 5 – национальные черты характера (57%).

Среди респондентов-адыгов ранжирование ответов несколько отличается и выглядит так:

- 1 – знание языка (84,3%),
- 2 – традиции и обычаи (78%),
- 3 – знание истории своего народа (68%),
- 4 – национальные черты характера (54,2%),
- 5 – религия (35%).

Представители других этносов представили такую иерархию ответов:

- 1 – знание истории своего народа (74,1%),
- 2 – язык (67,4%)
- 3 – традиции и обычаи (59%),
- 4 – национальные черты характера (42,5%),
- 5 – религия (32%).

Любопытен тот факт, что все группы респондентов поставили на третье место традиции и обычаи, хотя очевидно, что в полиэтничном регионе, каким выступает Республика Адыгея, именно по этому параметру (как и по знанию родного языка), происходит этническая дифференциация.

Сохранение и следование культурным традициям этноса – одно из основных условий, при котором функционирует этническая идентичность, что видно по данным нашего эмпирического исследования.

Также можно обратить внимание и на позицию «история своего народа». Действительно, этническая история, историческое прошлое и историческая память – это те ключевые параметры, которые в значительной степени питают этническое самосознание. Возможно, с этим и связано то, что все группы респондентов выбрали эту позицию в качестве одной из ключевых.

Мы не могли не включить в анкету вопрос о противоречиях и конфликтах в подразделениях полиции на межнациональной почве.

Обращает на себя внимание тот факт, что 53% респондентов отмечают наличие противоречий и конфликтов в подразделениях на

межнациональной почве: самое большое число ответов – «крайне редко» - выбрали 34% респондентов, 16% отметили, что противоречия и конфликты случаются иногда, постоянный характер подобных конфликтов отметили лишь 3% респондентов. При этом 42% респондентов посчитали, что в их коллективе никогда не происходит межнациональных конфликтов. На эти цифры, на наш взгляд, следует обратить руководителям подразделений полиции, поскольку специфика профессиональной деятельности сотрудников подразделений органов внутренних дел такова, что подобные конфликты недопустимы, поскольку негативным образом влияют на микроклимат в коллективах и, следовательно, на выполнение сотрудниками полиции своих служебных обязанностей [3].

Что касается конфликтов на религиозной почве, то подавляющее большинство респондентов – 83% - отметили, что таких конфликтов в их подразделении не случается никогда. Если добавить в качестве позитивного результата 8% респондентов, выбравших ответ «крайне редко», то можно сделать вывод, что, в отличие от межэтнических, этот вид конфликтов в подразделениях ОВД республики почти отсутствует. Эти данные имеют большое

значение, поскольку Республика Адыгея представляет собой, как уже было отмечено, не только полиэтничный, но и поликонфессиональный регион, а, соответственно, религиозная идентичность сотрудников полиции республики также достаточно разнородна.

Здесь стоит привести точки зрения экспертов по этому вопросу. Так, эксперты единодушны в том, что большинство конфликтов на межнациональной почве в коллективах ОВД Республики Адыгея носят латентный характер и достаточно редко перерастают в открытое конфликтное противостояние. Уровень правовой культуры сотрудников полиции достаточен для того, чтобы потенциально конфликтное противостояние снимать на начальной стадии. По мнению экспертов, тот факт, что в республике на протяжении нескольких столетий сосуществует большое количество этнических культур, выработавших устойчивый механизм этнического согласия, толерантности и диалога, в значительной мере определяют и толерантное сознание полицейских, и ценностные установки терпимости и взаимоуважения в их личной культуре.

Литература:

1. Каспаров А.Р. Конфликтологический потенциал в российской полиции: соционормативное измерение: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04. – 2016.
2. Жаде З.А., Куква Е.С., Ляшева С.А., Шадже А.Ю. Многоуровневая идентичность. - М.: Российское философское общество. - Майкоп: ООО «Качество», 2006. – 245 с.
3. Каспаров А.Р., Сетов Р.Ю. Влияние этнической идентичности на конфликты в профессиональных группах // Вестник Адыгейского госуниверситета. Серия «Регионоведение». – Вып. 4. – 2016. – С. 123-129.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ И ГРАЖДАНСКИЙ АСПЕКТЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ КУРСАНТОВ ЛЕТНЫХ УЧИЛИЩ

О.В. Кашин

экстерн аспирантуры

Адыгейский государственный университет

г. Майкоп

Аннотация. Статья посвящена осмыслению места и роли профессиональных и гражданских характеристик самоидентификации личности в процессе подготовки курсантов летных училищ. Отмечается необходимость учета взаимозависимости патриотического воспитания и профессионального самоопределения в ходе формирования личности курсанта.

Ключевые слова: профессиональная самоидентификация, патриотическое воспитание, курсант, летное училище.

Россия – многонациональное государство с длительной историей конструктивного взаимодействия представителей различных этносоциальных групп. Вместе с тем, нельзя не отметить наличие на современном этапе развития российского общества проблем, связанных с различиями этнокультурного характера и, в частности, этнической маркированностью участников взаимодействия. Если различия в культурных установках представителей различных этнических групп актуализируются ситуативно, то проблемы и противоречия, связанные с этнической маркированностью, свидетельствуют о выходе проблемы на следующий уровень развития, связанный с действием идентификационных стереотипов. При этом данные стереотипы подразделяются на две категории – представления, связанные с оценкой личной этнической определенности и характерными моделями действия и представления, формирующие социальные ожидания по отношению к представителям других этнических групп. Опасность этнических стереотипов связана с тем, что они полагают момент противоречий даже в тех ситуациях, когда на уровне активного социального проявления отсутствуют какие-либо основания для конфликта или затрудненного протекания коммуникативного процесса. Наличие стереотипов восприятия представителей других

этносоциальных групп приводит к дроблению общества, его разобщению на группы, сформированные по этническому признаку.

Деструктивность данного процесса не требует доказательства. Его результатом становится смешивание моментов этнической самоидентификации с моментами обособления, противопоставления другим группам. Этническая определенность актуализируется, но происходит это в деструктивном ключе.

На фоне этих тенденций чрезвычайно большой интерес представляют альтернативные установки социального мировоззрения, обладающие интегрирующим характером и служащие преодолению социальной разобщенности. К числу таковых установок относятся активное гражданское самосознание и самоопределение в профессиональной среде, ориентированное на преобладающее значение профессиональных качеств субъекта взаимодействия. Рассмотрим данные аспекты по порядку, начиная с анализа специфики профессионального самоопределения.

В основе профессионального самоопределения лежит соотнесенность отдельной личности и непосредственной сферы ее профессиональной включенности. Здесь большое значение имеет то, что участники трудовой деятельности не только активно осуществляют свои непосредственные обязанности, но и участвуют в социальной жизни коллектива. В этих условиях формируется

специфическое поле коммуникации, в котором все участники взаимодействия обладают общей областью интересов, связанной с осуществлением профессиональной деятельности. Логичным следствием этого становится то, что одним из ведущих способов повышения личного статуса в профессиональной среде становится профессиональный рост, повышение личных качеств, связанных с выполнением сферы трудовых обязанностей [3]. Таким образом, в профессиональной сфере формируется тенденция деактуализации качеств, не имеющих прямого отношения к сфере трудовой активности и, напротив, повышения актуальности тех качеств, которые определяют уровень квалификации человека.

Гражданское самоопределение предполагает момент соотнесенности интересов отдельного члена общества и интересов социальной системы в целом. При этом реализуется символический аспект самоидентификации, при котором успех государства в той или иной сфере в определенной мере представляет момент личной гордости. Носители патриотического мировоззрения, будучи сторонниками конструктивного развития общества и соотнося его интересы со своими собственными, выстраивают векторы своей социальной активности таким образом, чтобы способствовать процветанию среды социальной включенности [1, 2]. Иными словами, патриотическое сознание способствует формированию положительных векторов социальной активности. Обратной стороной обозначенных процессов становится и то, что практика гражданского или профессионального самоопределения представляет собой оценочную модель, которая применяется, в том числе, и на других участников социального процесса. Это означает, что высокий уровень профессиональной включенности и развитость патриотических установок способствуют деактуализации этнических противоречий.

В современной системе подготовки курсантов летных училищ профессиональная подготовка и патриотическое воспитание являются важными

приоритетами учебно-воспитательной деятельности. Летчики – представители элитных войск, и понимание значимости выполняемой деятельности, равно как и степени ответственности при ее выполнении, имеет большое значение. Таким образом, профессиональная подготовка курсантов летных училищ включает в себя привитие конструктивной формы самоопределения, связанной с осознанием важности и значимости избранной сферы деятельности. Одновременно с этим, в процессе обучения летчиков происходит ознакомление с историческим прошлым авиационного дела, что предполагает обращение к фигурам летчиков-героев прошлого, относящихся к различным этническим группам. В совокупности это способствует формированию отношения уважения к представителям других этносоциальных общностей, а также помогает в деле развенчания негативных стереотипов.

Не меньшую значимость имеет и реализуемый в процессе подготовки момент патриотического воспитания. Поскольку армия представляет собой общественный институт, прямое назначение которого состоит в защите локального общества, высокое значение развития патриотической идентичности в воспитании военнослужащих не вызывает сомнений. И здесь мы видим естественный конструктивный механизм: патриотическое воспитание в армейской среде, направленное, в первую очередь, на поддержание корректной формы мотивации действий военнослужащих, в конечном счете, оказывает влияние на характер процессов, протекающих за рамками армейской структуры.

Понимание взаимосвязи между патриотическим и профессиональным самоопределением с одной стороны и характером этнического взаимодействия с другой дает государству дополнительную «точку воздействия» на ситуацию в обществе, связанную с оптимизацией процесса профессиональной подготовки летчиков в частности и военнослужащих в целом.

Литература:

1. Карманова Д. А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Карманова Дарья Александровна; [Место защиты: Иван. гос. ун-т].- Иваново, 2007.- 159 с.
2. Костылев С. В. Формирование нравственно-патриотических ценностей курсантов военных училищ в полиэтническом регионе (постановка проблемы) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. №7. С.56-60
3. Левицкая И. А. Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Вестник КемГУ. 2014. №2 (58). С.136-140

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИЕТАЛЬНОЙ СФЕРЫ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ РЕГИОНОВ

Л.В. Клименко

*доктор социологических наук, профессор
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону*

Аннотация. В статье раскрываются концептуальные основания изучения социетальной сферы поликультурных регионов посредством использования эвристического потенциала социоструктурного и социокультурного подходов, а также микро- и макросоциологической теории.

Ключевые слова: социетальная сфера, поликультурный регион, макросоциология, микросоциология.

Социетальные структуры и процессы формируют интегрированность и целостность общества на макроуровне. Важнейшую роль в поддержании социетальной целостности играют социализирующие и нормативно-регулирующие функции базовых социальных институтов (семья, право, государство, образование, религия, экономика) [1]. Поэтому на социетальном уровне проявляются динамика и векторные особенности социокультурных трансформаций общества. В поликультурных регионах социокультурные изменения проявляются в наиболее глубинных социальных взаимодействиях – в ценностях и установках в сфере семьи и гендера, в правовой культуре и идентификационных практиках. Данные направления не исчерпывают всей совокупности трансформационных процессов социетальной сферы, но позволяют обнаружить степень синхронности и вектор социокультурной динамики социальной жизни полиэтничных территорий.

В социологической литературе можно выделить два основных методологических подхода к анализу социетальной сферы общества – социоструктурный и социокультурный.

В социоструктурном подходе, который включает в себя функционалистскую и структурно-функционалистскую традиции (Дюркгейм, Парсонс, Мертон и др.), сделан акцент на макроуровне социальных процессов и структур, которые обуславливают интеграцию общественной системы и обладают

преимущественно надындивидуальными свойствами. Само понятие социетальности наиболее подробно разработано Т. Парсонсом, который использовал его при обозначении социальных подсистем, институтов, коллективных общностей и ценностей, обладающих интегрирующими свойствами [2, с. 22]. Роль принуждения, социальных конфликтов, государства, идеологии, массовой культуры в поддержании социального порядка становятся предметом анализа в критической теории общества (Маркс, Хоркхаймер, Маркузе, Адорно и др.). Попытки «примирения» теории конфликта и структурного функционализма в социологии выразились в концепции дифференциации социальной и системной интеграции общества (Локвуд) и теории структуризации (Гидденс).

В трудах отечественных социологов, являющихся представителями институциональной школы (Заславская, Кирдина и др.), основа социетального воспроизводства также выводится из институциональной структуры, выполняющей интеграционную функцию (содействие объединения дифференцированных по разным основаниям социальных групп). В этом подходе выделяются базовые социетальные институты, которые обеспечивают целостность и развитие соответствующего типа общества [3, 4].

Несмотря на разницу в интерпретации социальных процессов, рассмотренным концепциям присущи: 1) макросоциологическая

ориентация в анализе общества; использование термина «социетальность» в контексте интеграции социума на уровне макроструктур и макросообществ; 2) выделение стабилизирующих и консолидирующих развитие общества социетальных механизмов; 3) акцент на институциональных структурах, образующих общество как целое и направляющих поведение людей; 4) выделение социализации и институционализации в качестве механизмов поддержания социетальности.

Если в социоструктурных теориях в качестве основания социетальной целостности выделяются, как правило, институциональные структуры, то в социокультурном подходе источником интеграции выступает культура. Всё многообразие социокультурных концепций можно условно подразделить на микро- и макротехории.

1) Микроуровень рассмотрения проблемы интеграции социума (М. Вебер, Дж. Дин, С. Юл и др.). Здесь в качестве источника социетальной целостности современного типа общества выступает ценностно-рациональное принятие людьми норм поведения и взаимодействия, обладающих интеграционным эффектом. Одной из таких интегративных форм поведения является социальная солидарность, формируемая на основе добровольности, ответственности, наличия общезначимых убеждений у субъектов социального взаимодействия.

2) Макроуровень изучения социетальной целостности с позиции социокультурной методологии (П. Сорокин, А.С. Ахиезер, Н.И. Лапин и др.). Здесь акцент сделан на таких источниках социокультурной интеграции общества, как ценности, социетально-функциональные структуры и государственная власть. В этом аспекте социокультурный подход сближается с социоструктурным. Однако в социокультурных концепциях ведущая роль отводится культуре, которая опосредует социально-групповые и институциональные взаимодействия и определяет специфику и содержание интегративных связей в обществе.

Категория «социетальность» в наибольшей степени используется в работах Н.И. Лапина, который вводит её в базовые понятия, конституирующие авторский антропоциетальный подход. Он, как и другие исследователи, использует термин «социетальность» при описании общесистемного уровня функционирования социума, а также усматривает основания интеграции в социетально-функциональных структурах [4].

Теоретический концепт социетальности, сформированный на основании социокультурной методологии с привлечением идей социоструктурного подхода, выступает в качестве операционального инструмента изучения, понимания и прогнозирования процессов, которые могут обеспечивать целостность и стабильность развития многосоставных обществ. Концепт социетальности используется в том случае, когда изучаются процессы и структуры, определяющие интегрированность и целостность общества на макроуровне.

Многообразие теоретических определений социетальных процессов и структур, содержащихся в работах разных социологов, можно упорядочить по направлениям анализа: а) системный уровень (социетальная подсистема, социетальные функции, посредством которых на макроуровне описываются связи и отношения (институциональные), интегрирующие социум); б) структурный уровень (социетальные институты и структуры (ценности, нормы), а также социетальное сообщество; в) процессуальный уровень (социетальные процессы и механизмы, раскрывающие особенности формирования и изменения интеграционных связей в обществе в динамике).

Данные выделенные уровни существования социетальности образуют социетальную сферу общества.

Механизмами формирования и воспроизводства социетальной целостности общества выступают: 1) генерализация и универсализация ценностей в социуме; 2) интернализация ценностей посредством

социализационного воздействия со стороны базовых социальных институтов и реализация этих ценностей в групповом поведении; 3) формирование интегрирующих социальных связей и отношений и достижение солидарности на уровне макрообщностей.

В качестве индикаторов социальной динамики поликультурных регионов мы выделяем показатели изменений ценностей, структур и механизмов функционирования 1) правовой сферы; 2) экономических отношений; 3) семьи и гендера; 4) социальной идентичности.

В свою очередь, модификации в данных индикативных областях отслеживаются по

следующим параметрам: традиционная или современная (модернистская) доминанта развития; степень соответствия содержания и синхронности трансформации знаний, ценностей и поведенческих установок в выделенных сферах; межгрупповая специфика ценностей и поведенческих установок (по этнотерриториальным, возрастным и гендерным группам); степень синхронности трансформации публичных (право, экономика) и частных (семья, гендерные стереотипы) областей социального взаимодействия.

Литература:

1. Клименко Л.В., Посухова О.Ю. Социальные аспекты профессиональной идентичности социально-ориентированных групп в российском обществе (к постановке проблемы) // Общество и Экономика. 2017. № 3-4.
2. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
3. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // Социологические исследования. 2002. № 12.
4. Лапин Н.И. Антропосоциальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3.

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ АДЫГЕЯ КАК ТУРИСТСКОГО РЕГИОНА

И.А. Коблева
аспирант

Кубанский государственный университет
г. Краснодар

Аннотация. В статье рассматриваются технологии продвижения имиджа туристического региона на примере Республики Адыгея, среди которых выделяются: технологии персонификации имиджа региона, формирования и продвижения региональных брендов и продвижения территориальной символики.

Ключевые слова: технология, имидж, туристский регион, бренд.

Имидж региона является разноплановым, он иногда складывается в сознании людей искусственно созданным образом объекта. Невозможно создать единый образ у всего народа об одной территории. Сколько людей, столько и мнений о конкретном регионе. Так как все люди разные, то и имеют специфичное восприятие о регионе. Вследствие этого и имидж одной и той же территории в сознании разных людей будет формироваться различный.

Субъектами политического управления Республики Адыгея, оказывающие влияние на имидж региона - является законодательная власть, которая представлена Государственным Советом - Хасэ Республики Адыгея [1]. Это постоянно действующий высший и единственный орган законодательной (представительной) власти Республики Адыгея.

Часто основным субъектом управления процессом формирования имиджа региона играет исполнительная власть, персонифицированная в региональном лидере. Главой Республики Адыгея с 10 сентября 2017 года является Мурат Каральбиевич Кумпилов.

Формирование имиджа региона невозможно посредством лишь субъектов управления. Нужны технологии.

Технологии культурного маркетинга и привлекательности для туризма.

В наше время, когда идет навязывание чужих ценностей и ориентиров, главной задачей, региональные власти остается, обязаны сохранять накопленный культурный потенциал;

преемственность и развитие лучших традиций адыгской культуры, влияние на духовное состояние нашего общества.

Несомненным является факт, использования территорией своих естественных достопримечательностей (набережные рек, озера, моря, горы), исторического наследия (музеи, памятники архитектуры, храмы), объектов культуры и отдыха (стадионы, культурные и торговые центры, парки). Чем более индивидуальны и известны будут достопримечательности, тем лучше для имиджа региона. Но любая достопримечательность территории не может быть единственным объектом внимания в региональном маркетинге. Комплексное оформление территории как единого целого повышает ее привлекательность и уникальность, эстетические достоинства [2].

Адыгея обладает многочисленным культурным потенциалом. В столице Республики Адыгея в городе Майкопе стоит множество памятников архитектуры, музеев, парков, и др. Одним из новых является монументальный комплекс «Единение и согласие», которое открыли в 2013 г. в столице Республики Адыгея в г. Майкопе.

Технологии персонификации имиджа региона.

Если персонифицировать имидж республики, его можно представить в лице действующего Главы субъекта – М.К. Кумпилова. Его предшественником является А.К. Тхакушинов. И первым Президентом Адыгеи был А.А. Джаримов – российский политический деятель.

Он правил республикой 10 лет. Согласно рейтингу, опубликованному журналом «Известные люди Юга России» в 2017 г. А.К. Тхакушинов занимает 10-е место, далее идет М.К. Кумпилов – 28-е место, А.В. Наролин – Глава муниципального образования «город Майкоп» – 29-е место [3].

Технологии продвижения региона в стране и за рубежом.

Все события, передаваемые через СМИ, происходят в пределах географической среды, соответственно вместе с основным сообщением до потребителя доходят и знания о регионе, географическом пространстве, где происходит то или иное событие тем самым СМИ определяют структуру имиджа территории. Очевидно, что в этом случае появляется возможность целенаправленно влиять на формирование образа конкретной территории, управлять этим процессом. При этом главенствующую роль в формировании имиджа отдельных регионов принадлежит федеральным СМИ.

Контент-анализ российских федеральных печатных и электронных СМИ показывает, что взаимосвязь с федеральными СМИ плохая, так как упоминаний об Адыгее насчитывается мало. Рост публикаций с упоминанием республики был замечен в преддверии проведения Олимпийский Игр Сочи-2014, так как тем или иным способом это затрагивает адыгов, и соответственно Адыгею.

Технологии формирования и продвижения региональных брендов.

При упоминании Республики Адыгея у большинства возникают устойчивые ассоциации с горами, солнцем, красивой природой и адыгейским сыром. «Адыгейский сыр» можно полноправно считать один из главных региональных брендов республики. О нем знают не только в пределах России, но и за рубежом. Сыр имеет разные виды и с его применением готовится много разных блюд. Ежегодно отмечается День Адыгейского сыра.

Также брендом с недавних пор можно назвать гору Фишт, в честь которой был назван главный олимпийский стадион в г. Сочи.

Технологии продвижения территориальной символики.

В жизни республики важную роль играют символика, которая состоит из:

- Герба Республики Адыгея – это круг, который сверху обрамлен лентой с надписью «Республика Адыгея» и двух языках: русском и адыгском. По середине ленты – большая звезда, а по боковым сторонам листья дуба, клена, золотистые колосья пшеницы, початки кукурузы. Круг замыкается аббревиатурой слов Российская Федерация. На аббревиатурой изображен «анэ» - национальный стол с хлебом и солью. А в середине круга главный герой нартского эпоса Саусрыкъо на огненном летящем коне.
- Флаг Республики Адыгея – это прямоугольное полотно зеленого цвета, на котором изображены 12 золотистых звезды и 3 стрелы перекрещивающиеся друг с другом, направленные наконечниками вверх. Этот флаг является символом не только Адыгеи, но и всех адыгов, проживающих как в других субъектах Российской Федерации, так и зарубежных адыгов.

Гимн Республики Адыгея – это музыкально-поэтическое произведение на стихи И. Машбаша, музыку У. Тхабисимова.

Средства массовой информации, являясь уникальным инструментом создания имиджей, формируют различный образ одного и того же объекта. При этом политическая ориентация издания, является доминирующим фактором, влияющим на конструирование имиджа объекта конкретным изданием. Недостаточно используются возможности печатных и электронных СМИ в других регионах РФ, а также современные Интернет-технологии. Поскольку важным коммуникационным каналом продвижения позитивного имиджа республики является непосредственный опыт жителей других регионов страны и мира, позитивное восприятие территории невозможно без решения ряда социально-экономических проблем.

Литература:

1. Закон Республики Адыгея от 10 июля 2006 года № 15 «О Государственном Совете-Хасэ Республики Адыгея» (в ред. от 30.07.2014) // <http://base.garant.ru/32349918/>
2. Панкрухин А.П. Маркетинг территории // Сайт «Гильдия маркетологов» // URL <http://www.marketologi.ru/publ>
3. Известные люди Юга России // URL <http://vipstav.ru/rating/region/adygeya/ка>

ПОЛИЦИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Концов

*соискатель кафедры философии и социологии
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар*

Аннотация. В статье утверждается, что полиция выступает в качестве институционального элемента системы обеспечения правопорядка в условиях трансформации российского общества.

Ключевые слова: полиция, институциональные структуры, социоструктурная динамика.

Условия трансформирующегося российского общества в начале XXI в. детерминировали ситуацию нестабильности и неопределенности перспектив развития социальной системы в целом, а также ее ключевых элементов и подсистем. В таких условиях особую важность приобретает функционирование традиционных институтов общества, отвечающих за стабильное и безопасное развитие, в частности полиции.

Высокие скорости социальных изменений 2000-х гг. обострили проблему повышения эффективности деятельности МВД России, что стало отправной точкой масштабной реформы в 2011 г. Основными задачами реформаторской деятельности выступили улучшение имиджа полиции, повышение эффективности деятельности ее структурных подразделений, противодействие коррупции.

В период реформирования МВД России особую важность приобрел такой показатель, как общественное мнение населения о деятельности полиции, ее отдельных подразделений (на основе независимых источников эмпирической социологической информации). Внутренняя ведомственная статистика уже не может рассматриваться как основной критерий оценки работы полиции [2].

Институциональные структуры, связанные с деятельностью российской полиции, несмотря на то, что формально могут быть отнесены к политической сфере общества, характеризуются гораздо более широким функционально-ролевым спектром. Полиция в современном российском

обществе осуществляет деятельность, которая прямо или косвенно способствует преодолению социальных проблем, успешному разрешению противоречивых ситуаций, затрудняющих жизнь граждан. Такая деятельность прежде всего служит удовлетворению социальных и политических потребностей людей.

Социологический подход к исследованию содержательных особенностей проведения реформы российской полиции предполагает системный анализ действия макро- и микросоциальных факторов, продуцирующих актуальные социальные проблемы российского общества и лежащих в основе дезорганизационных тенденций, на решение которых и направлена работа полиции, в том числе служб участковых уполномоченных. В качестве основной причины реформирования российской полиции, таким образом, целесообразно рассматривать попытку «догоняющей» модернизации полиции как элемента правоохранительной системы с целью преодоления нарастающего разрыва между трансформацией российского социума и отставанием от этого процесса институциональных структур, в том числе и полиции.

Сущность полиции как социального института в наибольшей мере постигается посредством изучения самого понятия «полиция», а также уточнения места и роли полиции в государственном механизме. В термин «полиция» как орган государства исследователи порой вкладывают различное содержание, но если суммировать множество точек зрения, то в общем

смысле можно заключить, что под этим термином понимается звено государственного механизма, несущего ответственность за выполнение определенной функции. Очевидно, что исторически сама функция предшествовала созданию организации [1].

Деятельность полиции сопутствует развитию общественных отношений, отношений между отдельной личностью и группами граждан и обусловлена нормами права, регулируемыми данные общественные отношения, путем реализации задач, поставленных полицией государством. Фактически роль полиции в обеспечении правопорядка в современном государстве весьма велика [1].

Полиция представляет собой элемент правоохранительной системы современной России, который в условиях стремительной социоструктурной динамики российского общества обладает значительным потенциалом уравнивания, стабилизации социума. Социоструктурные изменения на фоне духовно-нравственного, социокультурного вакуума российского общества создают напряжения, риски, которые в ряде случаев могут привести к дезорганизационно-дисфункциональным состояниям общества. В числе потенциально опасных последствий сложившейся ситуации – рост девиантного и делинквентного поведения, массовое нарушение социальных норм, в том числе и юридических. Российское общество в начале 1990-х гг. уже сталкивалось с подобной ситуацией, которую удалось стабилизировать лишь в 2000-е гг., прежде всего на фоне существенного экономического роста и улучшения положения в социальной сфере. Однако в последние годы социально-экономическое положение в России вызывает тревогу, создавая условия для ренессанса криминогенной ситуации 1990-х гг. Российское общество уязвимо перед угрозами и вызовами, связанными с ухудшением социально-экономического положения, так как в отличие от советского общества в настоящее время не развита идеологическая, идейно-нравственная, аксиологическая, мировоззренческая системы общества. Советский человек, воспитанный в духе

патернализма, необходимости подчинения своих интересов обществу, был готов терпеть лишения, голод, страдания во имя «светлой идеи». Современное российское общество, лишенное подобного идейного фундамента, в ситуации обострения экономического кризиса может подвергнуться разрушительному девиантному и делинквентному воздействию. Современные россияне (прежде всего, молодежь, люди среднего возраста), воспитанные на идеалах массовой эгоистической культуры потребления, могут крайне резко реагировать на возникающие проблемы, проявлять агрессию, нетерпимость, стремление к радикальным методам решения своих проблем. Именно поэтому в современном обществе значительно возрастает значимость институциональных структур полиции.

Необходимо отметить, что институциональные структуры, связанные с деятельностью российской полиции, несмотря на то, что формально могут быть отнесены к политической сфере общества, характеризуются гораздо более широким функционально-ролевым репертуаром. Основное предназначение полиции в современном российском обществе заключается в таком характере деятельности, который прямо или косвенно способствует преодолению социальных проблем, успешному разрешению противоречивых ситуаций, затрудняющих жизнь граждан.

Именно полиция призвана осуществлять не только противодействие, но и профилактику делинквентного и многих видов девиантного поведения. Являясь глубоко интегрированной в социальную систему институциональной структурой, полиция зачастую принимает на себя «первый удар» негативных проявлений системных социальных противоречий и в силу этого обладает уникальным, критически важным статусом в социальной системе. Однако не стоит забывать, что модернизация, динамика общества с неизбежностью требуют и коренных изменений в деятельности социального института полиции. Решению стратегических задач адаптации института полиции вызовам и требованиям динамической социальной системы и призваны служить реформы полиции.

Литература:

1. Горшенева И.А. Полиция в механизме современного государства (теоретико- правовые аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
2. URL: <http://www.zaks.ru/new/archive/view/84028> (дата обращения: 10.08.2012).

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ ИНТЕРНЕТА

Д.Н. Краснокуцкий

*соискатель кафедры философии и социологии
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар*

Аннотация. В данной статье авторы анализируют особенности девиантного поведения курсантов образовательных учреждений Министерства внутренних дел в коммуникативном пространстве социальных сетей.

Ключевые слова: девиация, курсант, образовательное учреждение, социальная сеть.

Социальные сети Интернета с каждым годом усиливают свою значимость в российском обществе. В российском обществе в начале XXI в. наблюдается рост аудитории виртуальных сетевых объединений, усиливается интенсивность контактов, что свидетельствует о переходе компьютерно-опосредованной коммуникации в сферу повседневной реальности. Вместе с тем, происходящие социокоммуникативные изменения в социальной системе не встречают адекватной управленческой реакции, что выражается в противоречивых мерах государства в отношении социальных сетей Интернета: с начала 2000-х г. был пройден путь от практически полной вседозволенности до достаточно жестких мер нормативно-правового регулирования активности граждан в социальных сетях. Ситуация осложняется тем, что современные общественные науки недостаточно внимания уделяют данной проблеме, особенно – прикладным проектам, ориентированным на сотрудничество с управленческими структурами. В частности, одним из наиболее эффективных инструментов объективного, системного анализа социальных сетей Интернета выступает социологический мониторинг эффектов коммуникации, как явных, так и латентных.

М. Кастельс утверждал, что социальные сети существовали всегда, однако проблема сетей и сетевого общества в XXI веке приобретает особую актуальность. Кастельс в своих трудах попытался оценить последствия воздействия революции в информационных технологиях,

охватывающей все области человеческой жизнедеятельности, на современный мир [1].

Современное общество характеризуется стремительным развитием информационно-компьютерных технологий. Информация становится движущей силой общественного развития, а одну из центральных ролей в социальной системе играет глобальная компьютерная сеть Интернет. В этой связи вполне закономерен тот факт, что в рамках социологической науки формируется отраслевая социология Интернета. В рамках данного направления, прежде всего, с теоретических позиций, исследуется проблематика цифрового неравенства (в контексте ограничения доступа к сети по классу, расе и нации); отношения между Интернетом и сообществами социального капитала (социальные связи); влияние Интернета на политическое участие граждан, а также социальных групп и общностей; влияние интернет-технологий на культурную жизнь и культурное разнообразие [2].

В центре внимания научного социологического анализа социальных сетей Интернета находится их взаимосвязь с объективной реальностью (в какой мере данные структурные элементы глобальной сети соответствуют объективной реальности). Сложность ситуации с социальными сетями заключается в том, что их пользователи обладают фактически неограниченной возможностью для введения в заблуждение своих интернет-собеседников в ходе построения своего интернет-

профиля. Это значительно усложняет контроль и управление данной сферой интернет-пространства, так как при соблюдении минимальных мер по конспирации, такие псевдопользователи социальных сетей могут осуществлять троллинг, провоцировать виртуальные конфликты, при определенных обстоятельствах грозящих трансформироваться в реальные.

Становится очевидным, что активность в социальных сетях Интернета оказывает существенное влияние на социально-психологический облик личности, формирует ее мировосприятие, систему ценностей, отношение к социальным нормам. Однако должной научной рефлексии данная, весьма актуальная проблема, до настоящего времени фактически не получила. В этой связи необходимо акцентировать внимание на возможностях социологического анализа аудитории социальных сетей. Имеющийся на сегодняшний день в распоряжении эмпирической социологии арсенал количественных и качественных методов, разнообразных методик и техник сбора первичной информации, ее обработки и анализа позволяет уверенно решать задачи направленные как на детальный анализ аудитории социальных сетей, специфики взаимодействия между акторами интернет-коммуникации, так и, едва ли не самое главное, замерять разнообразные эффекты функционирования сетевой интернет-коммуникации.

Курсанты образовательных учреждений МВД России – это особая социально-возрастная группа в структуре российского общества. По ряду своих характеристик данная группа является уникальной. В то же время курсантов правомерно рассматривать и в качестве структурного элемента более широкой социальной общности – российской молодежи, так как имеет место совпадение основных характеристик (возраст 17-22 года, социально-психологические особенности, такие как максимализм, эмоционально-чувственное восприятие окружающей реальности, включенность в процессы социализации и социального развития,

существенный интерес к интернет-коммуникации и т.д.). Вместе с тем, для курсантов характерны и уникальные черты, не свойственные остальной российской молодежи. Речь идет не просто об отсутствии классической молодежной маргинальности, но и, напротив, весьма высоком социальном статусе сотрудника правоохранительных органов, что подтверждает служебное удостоверение, форма, властные полномочия и т.п. Особый распорядок дня, отсутствие или небольшое количество свободного времени, тяжелые нагрузки, безусловно, сказываются на сознании и поведении этой социальной группы, что необходимо учитывать в процессе социологического анализа.

Социологический анализ поведенческих стратегий курсантов в социальных сетях Интернета – весьма сложная задача для теоретико-прикладного исследования. В данном аспекте необходимо принимать во внимание как общие (характерные для российской молодежи в целом), так и частные, специфические признаки курсантов образовательных учреждений МВД России, продиктованные особыми условиями несения службы и обучения. Именно данные признаки и определяют поведенческие стратегии курсантов в социальных сетях Интернета.

Спецификой поведенческих стратегий курсантов в социальных сетях Интернета выступают, в большинстве случаев, большая осторожность (дозировка информации) в социальных сетях, что выражается, например, в самопрезентации под никами, незначительном количестве выставляемых фото, скупых репостах и комментариях. Однако исследование показало и наличие другой поведенческой категории курсантов, которых отличает рискованное, порой аффективное поведение в социальных сетях, выражающееся в размещении откровенных фото, в том числе и в служебной форме (больше характерно для женщин); на страницах имеются матерные, пошлые комментарии, представлены радикальные политические и социальные позиции (больше характерно для мужчин).

Проблема информационной безопасности, с которой сталкиваются многие курсанты образовательных учреждений МВД России, проявляется на личном и корпоративном уровнях. В первом случае речь идет об утрате конфиденциальности информации, связанной с личной жизнью, досугом, экономическим поведением самих курсантов, но серьезно не затрагивает функционирование системы МВД, правоохранительных органов, к которым принадлежит курсант. Такая проблема достаточно локальна и не несет в себе серьезных системных угроз, соответственно, не снижает

уровень информационной безопасности государства. Во втором случае имеет место размещение курсантами информации, а также коммуникация с другими пользователями социальных сетей, которая потенциально несет угрозу не только им самим и их близким, но и тому подразделению, организации, всей системе МВД, в которой служит данный курсант. Именно такая ситуация потенциально намного опаснее, чем первая, так как несет в себе системные угрозы информационной и национальной безопасности РФ.

Литература:

1. Птицына С.С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретико-социологический анализ // Всероссийский журнал научных публикаций. Социологические науки. 2011. №1.
2. Nicki Lisa Cole. The Sociology of the Internet and Digital Sociology. URL: <https://www.thoughtco.com/sociology-of-the-internet-4001182> (дата обращения 12.05.2017).

КОНСТРУКТИВНЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СОЛИДАРИЗАЦИИ В ПРОЦЕССАХ ЭТНИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

И.С. Кузьменко

*кандидат социологических наук
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар*

Аннотация. В статье рассматривается проблема солидаризации общества в условиях этнического самоопределения и межэтнического взаимодействия. Отмечается наличие амбивалентных характеристик в структуре социального действия, которые проявляются в рамках конкуренции конструктивных и деструктивных моделей солидаризации.

Ключевые слова: солидаризация, этническое самоопределение, межэтническое взаимодействие, идентификация.

Социальная солидарность – важный принцип консолидации участников общественного процесса, связанный с формированием общности интересов, векторов социальной активности и ценностно-целевых установок. Глубокая разработка тематики солидарности в теоретической социологии произведена Э. Дюркгеймом, рассмотревшим тенденции социальной дифференциации в ходе усложнения общественной структуры и профессиональной специализации и солидарность в качестве механизма сохранения согласованности действий социальных акторов [2]. В дальнейшем категория солидарности находит многогранный отклик в гуманитарной сфере исследований, причем рассматриваются как структурные аспекты солидарности (преимущественно представителями школы структурного функционализма) [3,4], так и социально-мировоззренческий аспект, связанный с «чувством солидарности», а также социальными установками отдельных людей и коммуникативной направленностью социальных групп [1].

В настоящее время, когда момент различий приобретает высокую интенсивность актуализации, проблема солидарности встает особенно остро. Высокие темпы социальной динамики, возникновение информационного

пространства, ознаменовавшее качественно-количественный скачок в процессе межкультурной коммуникации, тенденции интеграции, реализуемые на глобальном уровне – все это складывается в общую тенденцию, однако, несмотря на общий интегративный характер происходящих процессов, рано говорить о том, что общественный процесс становится более конструктивным. Скорее справедливо было бы суждение о том, что высокие темпы интеграционных предпосылок на уровне внешних условий социальной коммуникации приводит к беспрецедентному по своей интенсивности процессу актуализации различий. И этот процесс затрагивает не только культурную коммуникацию в информационном пространстве, но и характер взаимодействия членов общества, относящихся к различным социокультурным средам. В частности, высокую степень актуальности приобретает проблема межэтнического взаимодействия.

Здесь мы снова обращаемся к категории солидарности. Очевидно, что объединение различных по своим социальным характеристикам членов общества, представляет собой процесс солидаризации, и потому в сфере этнокультурных процессов значимость данной категории сложно переоценить. С другой стороны, как отмечал Э. Дюркгейм, существует

два основных типа солидарности – механистическая, основанная на схожести участников социального процесса и органическая, основанная на взаимной ценности социальных акторов, характеристики которых различаются [2]. И здесь можно судить о том, что целью общественной регуляции в условиях высоких темпов интенсификации взаимодействия является, в первую очередь, достижение солидарности органического типа.

Что касается характера этнического взаимодействия, важность приобретают два момента: изменение характера этнической самоидентификации в отношениях с представителями собственного этноса и характер идентификационных стратегий, связанных с внешним, межэтническим взаимодействием. Рассмотрим их по порядку.

Момент этнической самоидентификации внутри этносоциальной группы может иметь различную степень интенсивности. Практика показывает, что в мононациональных государствах, а также в среде представителей титульной нации отмечается значительно более низкий уровень актуальности этнического вопроса, нежели в этнических группах, количественно находящихся в меньшинстве. Отчасти это связано с статистическим моментом соотношения внутриэтнических и межэтнических социальных контактов. В итоге преобладающее значение среди представителей этнического большинства приобретают сторонние, не связанные с происхождением факторы – социальное положение, личные качества, профессиональная определенность и т. д. На уровне диаспор этнический аспект приобретает основополагающее значение, а характер этнической маркированности является определяющим фактором в выборе стратегии взаимодействия. Таким образом, естественным результатом включения в иноэтническую среду становится рост механистической солидарности внутри этносоциальной группы. Вместе с тем, даже момент консолидации представителей диаспор может иметь двойственное значение – как консолидация с целью помощи

представителям своего этноса, и как «консолидация против», связанная с актуализацией конфликтного аспекта межэтнического взаимодействия. К сожалению, в современном обществе объединение на почве конфликта и искажение исходных мотивов этнической консолидации представляет собой достаточно распространенное явление. Здесь мы видим развитие деструктивной модели солидаризации, при этом деструктивным в данном случае является не то, что реализуется солидарности механистического типа, но то, что в основе солидаризации лежит конфликт.

На фоне приведенных тенденций приобретает актуальность вопрос о том, каким образом может быть осуществлено объединение членов общества, имеющих различную этническую маркированность, в единую структуру взаимодействия, действующую по принципам органической солидарности? Ответ на этот вопрос пролегает в области анализа идентификационных стратегий. Как уже было показано выше, высокая интенсивность межнациональных контактов определяет высокую интенсивность актуализации различий, что приводит к возникновению преобладающего значения этнической определенности. Вместе с тем, существуют социальные сферы, в которых этническая принадлежность не имеет значения – например, сфера образования, ряд профессиональных сфер, армия и т. д. На наш взгляд, достижение конструктивного межэтнического взаимодействия может быть реализовано в том случае, если сам момент этнической принадлежности и различий будет деактуализирован. И в данном случае наиболее серьезные перспективы у институциональной сферы общества, взаимодействие в которой носит формализованный, детерминированный функциональностью социальной сферы характер. Перенос акцентов с момента идентификации на момент совместного участия в конструктивных процессах представляет собой важный шаг на пути установления солидарности в межэтнической среде.

Литература:

1. Гофман А. Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012. Сб. научных трудов. Ред. Н.Е.Покровский, Д.В.Ефременко. - М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2013. - С.97-167
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. – М., 1996
3. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. - М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ/Пер, с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. - М.: Аспект Пресс, 1998.-270с.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТА КАК ОБЪЕКТ ЭМПИРИЧЕСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Е.М. Куликов

*доктор социологических наук, доцент
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар*

Аннотация. В статье предлагается алгоритм исследования социальных сетей в коммуникативном пространстве Интернета. Теоретически обосновывается необходимость изучения деструктивного потенциала в условиях развития и функционирования глобальной компьютерной сети.

Ключевые слова: социальная сеть, Интернет-коммуникации, Интернет-среда, информационная безопасность.

Аудитория массовой коммуникации подвергается различного рода воздействию, которое носит, в том числе, и деструктивный характер. Наиболее острые противоречия наблюдаются в данный момент в сфере интернет-коммуникации, где уровень свободы создателей и распространителей сообщений весьма высок. Однако современная социологическая наука не обладает исчерпывающим инструментарием анализа данной проблемы, прежде всего, на эмпирическом и прикладном уровнях. Наибольшее беспокойство вызывает отсутствие должной интеграции между научной и социально-управленческой мыслью.

В настоящее время в системе массовой коммуникации наблюдаются дисфункционально-дезорганизационные тенденции, связанные, в частности, с увеличением доли недостоверной, противоречивой, а иногда и ложной информации. Все чаще система массовой коммуникации общества начала XXI века вместо информационной функции, обозрения мира, передачи культурного наследия осуществляет дезинформационную деятельность. Следовательно, представляется возможным рассуждать о социальном противоречии, заключающемся, с одной стороны, в увеличении численности сообщений в массово-коммуникационной системе (интенсификация коммуникативных потоков), росте социальной значимости информации, а с другой стороны –

ухудшении качества информации, генезисе слухов, особенно в пространстве глобальной компьютерной сети Интернет.

Именно поэтому современное положение в коммуникационной системе общества, детерминированное стремительным развитием интернет-технологий диктует необходимость развития потенциала прикладной и эмпирической социологии. Актуальность подобных разработок не может быть поставлена под сомнение, так как в современном российском обществе наличествует широкий круг организаций, корпораций, заинтересованных не в ситуативном, а в мониторинговом, регулярном анализе информационного контента, прежде всего, связанного с глобальной сетью Интернет, его наиболее популярными ресурсами.

Доктрина информационной безопасности РФ констатирует наличие ряда угроз, в том числе, «негативного информационного воздействия на население России, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2]. Кроме того, в документе отмечается, что «террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо

вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников»[2].

Современная ситуация такова, что, с одной стороны, наблюдается рост рискогенных факторов, связанных с развитием и функционированием глобальной компьютерной сети, с другой стороны, дефицитом действенных инструментов социального контроля и управления Интернетом. Как справедливо констатирует М.Н. Демина, в настоящее время «отсутствуют эффективные механизмы социального контроля и защиты человека от информационного воздействия» [1].

В условиях российского общества XXI в. становится очевидным, что объективный, научно-обоснованный анализ интернет-коммуникации невозможен без применения специального программного обеспечения (далее – ПО), так как имеющиеся на сегодняшний день массивы информации, скорость ее распространения, размеры целевой аудитории и пр. характеристики практически исключают «ручной», традиционный режим социологического анализа. Социологическая методология позволяет значительно расширить потенциал естественно-научного подхода к решению проблемы. Следует отметить, что в указанном нами случае социологический подход необходимо серьезно модернизировать.

Целесообразно заметить, что активность той или иной социальной группы, общности в социальных сетях Интернета следует позиционировать как отражение особого духовного мира, социокультурных и социально-психологических качеств. В этой связи ПО не может работать эффективно, если в его основу не будет заложен широкий спектр знаний о данной группе, субкультуре (от доминирующего мировоззрения до стиля и образа жизни).

Для того, чтобы «замкнуть» цикл «теория – эмпирические факты – теория» в данном случае необходимо таким образом продумать саму процедуру исследования, а также характер взаимодействия социологов и специалистов в области компьютерного программирования,

чтобы достичь оптимального, максимально сбалансированного, подхода к решению поставленных познавательных задач. Алгоритм исследовательских действий может выглядеть следующим образом:

Этап 1. Установочное количественно-качественное социологическое исследование аудитории массовой коммуникации (описание социально-демографического, социально-профессионального, социокультурного профиля конкретной социальной группы, ставшей объектом социологического познания). По итогам проведенного социологического исследования должно быть осуществлено детальное описание аудитории, ее отличительных особенностей. В дальнейшем должны быть осуществлена попытка обоснования на теоретическом уровне имеющихся социально-коммуникативных профилей аудитории. В отличие от традиционного облика теоретико-прикладного социологического исследования, в данном случае стратегической задачей выступает создание технического задания для компьютерных программистов с подробными описаниями целевой аудитории, ее сегментов и т.п.

Этап 2. Разработка компьютерного программного обеспечения мониторинга интернет-коммуникации. Создание пилотной версии ПО в дальнейшем предполагает осуществление сложной серии социальных экспериментов, которые бы позволили осуществить объективный контроль эффективности ПО, оперативно обнаружить и устранить имеющиеся недостатки.

Этап 3. Окончательный запуск ПО и его итоговое тестирование. На данном этапе целесообразно осуществить следующие исследовательские действия:

- выборочная экспериментальная проверка;
- опрос экспертного сообщества для получения их мнения об эффективности работы системы.

Следует подчеркнуть, что развитие ПО сдерживается отсутствием достаточного финансирования со стороны государства, а также

частных инвесторов, крупных компаний, корпораций, для которых репутационные параметры имеют весьма важное значение. Именно репутация находится под наибольшей угрозой вследствие деструктивного коммуникативного воздействия – особенно в слабо контролируемом и управляемом интернет-пространстве.

Примером эффективной работы ПО может стать сбор информации и создание условий для использования мощного потенциала слухов в плане воздействия на сознание аудитории. В частности, полученные данные о специфике коммуникативных процессов в той или иной группе, общности, субкультуре могут позволить осуществить провокацию посредством распространения слухов (прежде всего, в Интернете) с особым содержанием.

В частности, в молодежной среде высокой популярностью обладают интернет-коммуникации, особенно – социальные сети. Не являются исключением здесь представители экстремистских движений, у них имеются собственные интернет-ресурсы, посредством которых осуществляется координация, идеологическая и мировоззренческая «обработка» попавших в сферу экстремистского влияния молодых людей. Однако глубокую интеграцию экстремистских движений в пространство глобальной сети можно использовать и в целях противодействия им. В частности, одной из эффективных стратегий может стать использование слухов как «информационного вируса», который постепенно снижает эффективность коммуникативного воздействия лидеров экстремистских движений на молодежь, особенно – сочувствующую экстремистам, находящуюся на начальном пути

включения в экстремистские объединения. Грамотное использование слухов позволяет снизить уровень делинквентности экстремистских объединений.

Результаты социологического мониторинга особенно актуальны, востребованы практикой при анализе деструктивного коммуникативного воздействия на аудиторию глобальной сети Интернет. Сам объект исследования практически не оставляет иных эффективных вариантов использования социологической методологии, методики и техники. Однако в настоящее время подобные исследовательские проекты являются скорее исключением из правил, чем тенденцией развития российской социологической мысли. В этом нам видятся очевидные угрозы информационной безопасности, а также высокий потенциал волонтаризма и субъективизма при принятии важных управленческих решений относительно интернет-среды, что проявляется, в том числе, введением ничем не обоснованных ограничений законопослушных интернет-пользователей при одновременном попустительстве действий радикалов, экстремистов в глобальной сети. Именно научного, социологического обеспечения сейчас недостаточно в системе государственного управления современной России. Научная и управленческая мысль значительно отстают от темпов развития и трансформации сообщений, интегрирующихся в интернет-среду, вследствие чего возникает гносеологический вакуум, что приводит к периодическому массовому распространению непроверенных и провокационных и неготовности общества им противостоять – в результате актуализируется угроза информационной безопасности.

Литература:

1. Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // Социс. 2010. №6.
2. <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения 14.09.2017).

НАРУШЕНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР РАДИКАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

С.А. Ляушева

*доктор философских наук, профессор
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп*

Э.С. Абдулаева

*кандидат философских наук, докторант
Адыгейского государственного университета
г. Майкоп*

Аннотация. В работе выявляется взаимосвязь нарушения, дестабилизации психического компонента духовной культуры с радикализацией общества.

Ключевые слова: психический компонент культуры, радикализация, традиции, общество, глобализация.

Актуальность исследований причин радикализации и экстремизма в мире на современном этапе для нас очевидна. «Современный процесс» глобальной стандартизации затронул духовные миры локальных культур [1]. Как правило, отмечают выработанные положительные социально-экономические универсалии, без которых уже не может обойтись современный мир. Но возникновение экстремистских проявлений, возникших как результат столкновения цивилизаций, духовных миров также являются результатом вышеназванных процессов. Обострение радикальных взглядов мы связываем и с нарушением психической составляющей духовной культуры этноса.

Как известно, основными причинами, вызывающими экстремистские проявления, называют: бедность, отсутствие перспектив в социуме и т.д. Целью данной статьи является выявление взаимосвязи между проявлениями радикализации населения и дестабилизации психического компонента духовной культуры.

Духовная культура этноса, как известно, содержит в себе психические и рациональные компоненты. Психический компонент, на наш взгляд, является стержневым, так как именно он содержит в себе смысловые «нагрузки» культуры. Его особенности заключаются не просто в

механическом отражении социокультурной реальности, но и в способности выбора и анализа поступающей информации сквозь субъективную призму духовной культуры.

Как известно, «психические явления возникают в результате встречи, взаимодействия индивида с внешним миром. Этот внешний мир отражается в сознании человека в виде образа. Объективное, материальное превращается в процессе психического отражения (взаимодействия объекта и субъекта) в субъективное, идеальное» [4]. Психический компонент культуры – это возможности к адаптации в объективном мире; способность обеспечивать целесообразность поведения и социокультурной деятельности человека. То есть, любая попытка дестабилизации психической составляющей – есть попытка расшатать «здание» духовного мира социума, так как «психическое отражение» содержит в себе целый спектр смысловых «нагрузок», как было отмечено ранее.

На современном этапе изменение паттернов поведения связано с трансформацией традиционных ценностей, нарушением баланса психической и рациональной составляющей в духовной культуре общества: «Пестрота внешних впечатлений, языковая неразборчивость, калейдоскоп масс-культуры захлёстывают

современное общество. Эта информационная реальность густой сетью опутывает разум, мешая осознать окружающее» [5].

Обострение этнических конфликтов является также следствием поиска национальной идентичности в условиях «размывания» границ в современном глобализационном процессе. Экстремизм, фанатизм религиозных взглядов молодых людей – формы реализации альтернативных ценностей, которые «отвечают» на вызовы глобализации [2].

Трансформации в традиционной национальной культуре и заимствование элементов другой культуры приводят к изменениям в восприятии, представлениях о

должном поведении, образе жизни, в конкретном обществе. Не всегда модернизационные трансформации приводят к успеху. Трансформации в современном мире не всегда могут быть положительными или следуют отметить, что они имеют как положительные, так и отрицательные последствия для общества. В частности, дихотомичность ментального пространства современной культуры может привести к пессимистическим настроениям [3].

Таким образом, мы подчеркиваем, что дестабилизация названного компонента культуры – есть прямая угроза стабильности социума, есть угроза радикализации общества.

Литература:

1. Абдулаева Э.С. «Психическая» составляющая духовной культуры // Теория и практика общественного развития. Краснодар, 2012. № 12. С. 33-35.
2. Абдулаева Э. С. Антропологический кризис и трансформация жизненных ценностей чеченской молодежи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1. С.13-15.
3. Абдулаева Э.С., Ляужева С.А. Модернизационные трансформации традиционных ценностей // Социально-гуманитарные знания. Москва, 2017. № 7. С. 10-13.
4. Савина Е.А. Введение в психологию. Курс лекций /Главный редактор А.П. Олейникова. - М: «Прометей» МПГУ, 1998. — 252 с.
5. Троицкий В. Дезорганизация духовно-информационной среды как орудие разрушения нормальной жизнедеятельности человека и народа// Русский вестник / 19.04.2007 / <http://www.rv.ru/content.php3?id=6847>.

ПАТРИОТИЗМ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ КАК АКСИОМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН РОССИИ

Е.М. Малышева

*доктор исторических наук, профессор
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп*

Аннотация. В статье рассматривается природа национальной идентичности российских граждан. Автор отмечает, что посредством патриотического воспитания и сохранения исторической памяти о событиях Великой отечественной войны в российском обществе происходит укрепление уровня национального самосознания.

Ключевые слова: патриотизм, историческая память, Великая отечественная война, национальная идентичность.

Важным компонентом и одной из составляющих национальной идентичности граждан российского общества на протяжении прошедших после окончания Великой Отечественной войны десятилетий остаётся социальная память о войне. В менталитете советского суперэтноса, включавшего в себя 130 наций и народностей доминировали и составляли основу духовного единства социума идеи и приоритеты ценностей социализма, его адептов социальной справедливости, равенства, общей, четко сформулированной цели[1]. Неизменность исторических реалий нашла устойчивое отражение в социальной аксиоме: «мы – великий народ, победивший фашизм», гордость за народный подвиг. Тем не менее, так называемые «войны памяти» разворачиваются сегодня как между странами, так и между социальными группами внутри них. Проблемы экстремального периода войны продолжают привлекать пристальное внимание не только историков, политологов, социологов, культурологов, представителей СМИ, но и широких слоев общества.

За прошедшие после окончания войны десятилетия создана обширнейшая отечественная и зарубежная историография войны, увидели свет монографии, диссертации, мемуары, справочные и статистические издания, посвященные

различным аспектам и сюжетам малоисследованных проблем Великой Отечественной и Второй мировой войн, общим и частным проблемам истории этого периода, написано колоссальное количество книг о нацистском периоде истории Германии. Способствовали появлению условий для многопланового научного изучения истории Второй мировой и Великой Отечественной войны, а также решению задач разоблачения как недобросовестных толкований, так и прямых откровенных фальсификаций военной истории публикации архивных документов и материалов из ранее закрытых фондов.

Вместе с тем, многое остается до сих пор неисследованным, неизвестным. В отличие от российского общества, в Германии патриотические чувства, по мнению профессора Э. Штельтинга, не являются распространенными, и находятся на периферии немецкого сознания. Советский Союз не был инициатором войны, в качестве агрессора выступил Третий рейх. По мнению учёного, Россия одержала блестящую, хотя и трудную, победу, поэтому отношение к войне характеризуется чувством заслуженной гордости. В сознании россиян соседствуют два образа Германии: с одной стороны – бывший военный противник, фашистский агрессор, с другой – демократическое европейское государство с развитой культурой. Об актуальности формирования и сохранения памяти

о войне свидетельствуют материалы общероссийского опроса от 16-17 апреля 2005 г. проведенных в Москве, Новосибирске и Санкт-Петербурге [2]. Так, отвечая на вопрос «Что в первую очередь приходит Вам в голову, когда Вы слышите слово «Германия», 34 процента респондентов назвали войну и фашизм. Многие участники массового опроса (более трети) в связи с Германией не прошлое, а настоящее страны. 15 процентов респондентов вспоминают не историю, а особенности культуры: Германия – это благополучная, цивилизованная страна с высоким уровнем жизни. Для процентов – просто одно из европейских государств. Между двумя точками зрения есть существенное различие: одни считают, что немцам достаточно помнить о роли Германии во Второй мировой войне, другие полагают, что такая память должна быть не только частью интеллектуального багажа, но и составляющей национальной идентичности. В целом, из данных опросов следует, что в отношении россиян к Германии отсутствует массово выраженное стремление считать ее «наследницей» нацистской Германии. Но из них же следует, что многие готовы не вспоминать об этой странице истории Германии только до тех пор, пока она сама о ней помнит, признает историческую вину и соответствующим образом выстраивает свою линию поведения. Характерно, что среди ответов на вопрос на первый вопрос анкеты всего 4 процента высказываний были откровенно враждебными «ненавижу»; «наши враги». Так, 50 процентов считают, что родившиеся после войны немцы, послевоенные поколения обязаны помнить историю, но не должны испытывать чувства вины за нацистское прошлое. 33 процента высказали противоположное мнение, что все немцы, вне зависимости от возраста, должны испытывать чувство вины за войну, развязанную их страной. Когда респондентов попросили назвать кого-нибудь из знаменитых немцев, четверть ответивших на вопрос (13 процентов по выборке в целом) упомянули Гитлера. В историографии войны остаются два названия, и соответственно, два взгляда на неё «с высоты прожитых лет».

Война, которая для Европы была Второй мировой, для российских граждан остается Великой Отечественной. Эта война пока в социальной исторической памяти остаётся самым большим поражением в немецкой истории и самой большой победой – в российской.

С течением времени в коллективном сознании немцев и русских война получает разные оценки и акценты. Немецкое общество пережило богатый спектр вариантов оценки Второй мировой – от «немцы - главные жертвы нацизма» до критики позиции, защищающей невиновность «маленького человека» в больших событиях. Согласно мнению ряда германских учёных, несмотря на то, что правительство ФРГ не могло «цементировать» позицию отношения к войне, как это делалось в ГДР и СССР, политика не могла не влиять на взгляды общества. Кроме того, коллективная память о войне меняется в связи с тем, что все меньше остаётся ее свидетелей и участников. Особенностью последнего времени является повышение интереса к теме «война глазами простого солдата». Как показатель – большое количество телефильмов о человеке на войне, его страхах и надеждах, о человеческих отношениях, семьях и друзьях а не о полководцах, маршах, захватах и тактике наиболее значимых битв. Подобная тенденция наблюдается и в России. Можно согласиться с суждением, что если немецкое общество раньше говорило о поражении, а советское - о победе, то сейчас оба говорят об «опыте человека на войне».

Победа в войне в системе ценностей россиянина не теряет своего значения: ее назвали центральным событием XX века 87% россиян, опрошенных Аналитическим центром Юрия Левады. Большинство считает, что мы не просто победили, а победили такого врага, перед которым не устояли более благополучные страны. И это остаётся непреложным историческим фактом.

Однако необходимо историческому сообществу сегодня давать адекватную оценку и тому факту, что наиболее актуальными темами в восточно-европейских странах, стали такие, как цена войны, насилия Красной Армии и экспансия

советской власти в Восточной Европе. По мнению ряда исследователей, такие темы в России до сих пор остаются вне публичного обсуждения (Лев Гудков). По мнению других российских историков – эта тема, наряду с бомбардировками Германии союзниками, превалирует в немецких СМИ и таким образом искажает историю.

В народной памяти российской Великая Отечественная война отзывается гордостью и болью. Однако ещё не преодолены идеологические наслоения, штампы и стереотипы, имевшие место в отечественной историографии советского периода. Такие проблемы, как идеология фашизма и сталинский тоталитарный режим в СССР, системы власти в нацистской Германии и в нашей стране, феномен ментальности советского общества, взаимодействие социума и власти, коллаборационизм, российская и кавказская эмиграция, ГУЛАГ и репрессии, национальная политика и депортация народов, мотивация поступков, массовая психология, психология комбатанта и ряд др. вызывают дискуссии в современной исторической литературе, прессе, СМИ.

Идёт активная попытка дискредитировать нашу Победу, заменить правду домыслами и вымыслами о войне, о таких неоспоримых факторах массового общественного сознания советских людей - россиян, как любовь к Отчизне (определение патриотизма по словарю В.Даля), ответственность за судьбу Державы, высокая планка человеческой надёжности, дружба, не ведавшая социальных или этнических градаций, преданность идее защиты Родины, вера в победу, беспримерные сила духа, мужество и терпение, единство фронта и тыла, армии и народа и т.п. [3]. Чтобы жертвы были не напрасны, и человечество, наконец, научилось извлекать уроки из истории, необходимо развивать и в дальнейшем обмен мнениями, информацией, изучать отношение граждан России и Германии ко Второй мировой войне, формировать адекватные оценки, исследовать современное состояние памяти.

Необходимо развитие диалога и продуктивного обмена представлениями между компетентными немецкими и российскими экспертами, развитие темы о формах и функциях официальной и частной, локальной памяти о войне, об отношении к этому трагическому периоду, что является фактором формирования идентичности, воспитания гражданской зрелости и социализации молодых поколений России и Германии.

Проблема национальной безопасности в XX-XXI вв., уроки истории и вызовы современности является предметом обсуждения многих Всероссийских, Международных и региональных научных конференций последнего десятилетия. Тема весьма актуальна в период приближающегося 70-летия окончания Второй Мировой войны. Также, не менее актуальной представляется задача бережного отношения к исторической памяти о трагических и героических годах Великой Отечественной, Второй мировой войны, о вкладе в Победу советского народа, и об уроках, извлечённых германским обществом из 12-ти летнего правления нацистов в Германии. За послевоенные годы кардинально изменилась геополитическая картина земного шара. В мире и России стали реальностью радикальные трансформации. С политической карты планеты исчезла страна с гордым названием СССР. Более трети молодого поколения россиян, выросших в абсолютно иной духовной и нравственной атмосфере, других социально-экономических условиях не знают, с каким событием связана дата 22 июня 1941 года, 8% ошибаются в ответе на этот вопрос [4].

Основными задачами в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются, в том числе, своевременное прогнозирование и выявление внешних и внутренних угроз. Они не в последнюю очередь определяются нравственным потенциалом формирующейся российской идентичности, в которой Правда о войне, о вкладе советского народа и СССР в Победу над нацистской Германией – это не только фактор дефиниции российской идентичности, но и оборонный

фактор современной российской государственности.

Обеспечение национальной безопасности лежит в пространстве формирования исторической памяти о войне для стремления к сохранению мира и самоидентификации в глобализирующейся планетарной цивилизации. При устойчивой константности истории, в современном российском и германском обществах наблюдается «плюрализм» исторической памяти. Вторая мировая война и её основная часть – Великая Отечественная война советского народа против нацистской Германии - это глобальное геополитическое событие мировой истории. Коллективная историческая память о Победе над фашизмом в Великой Отечественной войне является ценностной основой национального самосознания и духовного потенциала россиян второй половины XX - начала XXI столетий. Благодаря вкладу в Великую Победу советского народа, человечество не испытало на себе вероятный сценарий установления мирового господства нацистской Германии с её идеологией расизма, ксенофобии и «войны на уничтожение», когда многие народы и нации были бы истреблены или попали в положение рабов и «унтерменшей». В этом контексте необходимо

бережно относиться к исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войне, оценивать её уроки объективно и непредвзято. Она откладывалась в общественном сознании и исторической памяти, трансформируясь в результате воздействия объективных и субъективных факторов. Осмысление позитивных уроков героической истории борьбы за Победу в войне вносит весомый вклад в воспитание в российском обществе любви к Родине, гордости за Отечество, уважения к подвигу поколения победителей. Миллионы советских людей совершили бессмертный подвиг, героически сражаясь с врагом на фронте и самоотверженно работая в тылу: они защищали своё Отечество, дом, семью, культуру, само право на жизнь без вмешательства извне. Осмысление уроков и итогов войны является фактором, формирующим историческую память, которая оказывает влияние на самоидентификацию и ментальность российского общества. История Великой Отечественной войны и народного подвига в борьбе за Победу в современной России остается одним из краеугольных камней национальной памяти, символом единения людей разных национальностей, социальных и возрастных групп.

Литература:

1. Мальшева Е.М. Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. // Россия в XX веке. Война 1941-1945 годов. Современные подходы. - М.: Наука, 2005. С. 306.
2. Материалы общероссийского опроса ВЦИОМ от 16-17 апреля 2005 г.
3. См. Мальшева Е.М. «Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941-1945 гг.». Монография / Е.М. Мальшева. – Москва: Издательство «Вече», 2011. - 492 с.
4. Monitoring.ru / РОМИР-Мониторинг.// Данные общероссийского исследования агентства ROMIR Monitoring, 2003 – 2007(дата обращения: 28.11. 2017).

МОЛОДЕЖЬ КАЛМЫКИИ: ВЫБОР ИДЕНТИЧНОСТИ

Л.В. Намруева

кандидат социологических наук, доцент
Калмыцкий научный центр РАН
г. Элиста

Аннотация. На основе проведенного эмпирического исследования выявляются особенности формирования идентичности в молодежной среде региона. Анализ полученных результатов показал, что выстроенная система российской гражданской идентичности молодых жителей Калмыкии сочетается с этнической и региональной идентичностью.

Ключевые слова: молодежь, идентичность, этнонациональное самосознание, межэтнические отношения.

В Республике Калмыкия, как и во всем российском государстве, становление новых социальных идентичностей происходит в условиях быстрых изменений всех сфер жизнедеятельности общества, когда рушится привычный мир, когда исчезают опоры социальной уверенности. В такой ситуации необходимо, чтобы формировалась идентичность, основанная на духовно-нравственных, гуманистических идентификационных принципах [1].

Гражданская идентичность складывается из понимания обществом своих отношений с государством и государством своих отношений с обществом. Понятие «россияне» включает в себя исторический и культурный опыт взаимоотношений народов России, сложившуюся языковую и культурную общность россиян.

Исследователи отмечают, что «самоидентификация конкретной личности по линии «я - россиянин» не всегда однозначна и в зависимости от социально-демографических характеристик личности, ее культурной ориентации, места проживания, позитивного или негативного опыта межэтнического общения может содержать в смысловых, эмоционально-психологических нюансах достаточно заметные отличия» [2].

В ходе анализируемого исследования 2015 г. охвачено 200 человек обучающихся: 100 учащихся старших классов школ и 100 студентов высших учебных заведений. Из них – 50 %

юноши и 50 % девушки. По национальной принадлежности: 17% – русские, 78% – калмыки, 5% – представители других национальностей [3]. В 2017 г. опрошено 300 человек обучающихся: 1 группа - 100 учащихся старших классов школ, 50 студентов колледжей и 2 группа - 150 студентов высших учебных заведений. Были выбраны учебные заведения со смешанным этническим составом. В первой группе выборка по гендерному признаку распределена поровну: 50% юноши и 50% девушки. Во второй группе доминируют девушки (60,5 %). По национальной принадлежности: 28 % – русские, 65 % – калмыки, 7 % – представители других национальностей. Такая структура выборки соответствует молодежным когортам генеральной совокупности, которая проявляется в доминировании калмыцкой молодежи в образовательных организациях средней и высшей школы.

Результаты опроса 2015 г. показывают, что большинство (81,5 %) респондентов хотели бы, чтобы их воспринимали как граждан России. Каждый пятый респондент (20,5 %) идентифицирует себя как представителя отдельной национальности (этнической группы). Четверть выборки (25 %) определяет себя как представителя региона (республики Калмыкия). Поскольку идентичность в сознании индивида формируется по разным основаниям, то и поставленный вопрос предполагал возможность выбрать несколько ответов. Однако совокупный

массив ответов на вопрос об идентичности, оказался небольшим: второй вариант ответа – ориентация на идентификацию себя со стороны окружающих в этнических характеристиках, - выбрал только каждый четвертый респондент. Удельный вес гражданской идентичности в совокупном массиве ответов составляет 64,4%, этнической – 16,2, региональной – 11,9%.

Системообразующим элементом социального статуса личности выступает и этническая идентификация. Разделяем точку зрения Ю. В. Арутюняна о том, «...как этнонациональное, так и гражданское самосознание отражают меру трансформации и включенности населения в гражданскую и этническую среду» [4].

Полученные данные в ходе анкетирования 2017 г. свидетельствуют, что большинство (77 %) респондентов хотели бы, чтобы окружающие воспринимали их как граждан России, 18 % - как представителя отдельной национальности; 19 % - как представителя региона. Сравнивая результаты двух исследований, фиксируем снижение всех видов идентичности. По нашему мнению, это случилось по той причине, что в 2017 г. выборка исследования отражает полиэтничность региона, а в 2015 г. она была более моноэтнична, преобладали респонденты-калмыки. В этой связи справедливо замечание Б. М. Муняновой, что этническое и региональное самосознание у русского населения в Калмыкии выражено слабее, чем у калмыцкого. Зато у русских сильнее по сравнению с калмыками проявляется российская, общегражданская идентичность [5]. Данный фактор не мешает нам констатировать, что, у учащейся молодежи в большей степени сформирована гражданская идентичность, нежели этническая, тесно связанная с региональной идентичностью, которые в сумме – 37 % - в два раза реже выбраны нашими респондентами.

Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что в Республике Калмыкия существует устойчивая потребность в реализации этнокультурного образования и преподавании

калмыцкого языка. Однако молодежь недостаточно ориентирована на углубленное изучение национального языка. Таким образом, сохраняется тенденция, отмеченная автором статьи еще в 2010 г., что «в реалиях повседневной жизни калмыки часто делают выбор в пользу русского языка, который дает им больше возможностей для жизненного самоопределения, личностного и профессионального роста, успешной социальной мобильности» [6].

Можно зафиксировать ориентированность молодежи на прагматическое использование этнокультурных знаний. Она понимает, что эти знания ориентируют на поддержание национальных традиций и обычаев, их сохранение. Такое понимание дает основу для оптимизма и позволяет надеяться на то, что молодежь продолжит тенденцию сохранения и дальнейшего развития калмыцкой культуры [3].

Несколько вопросов определяли характер межэтнических отношений. В 2015 г. большинство опрошенных (88,6 %) отметило, что за последний год их этнические характеристики не стали причиной негативного отношения со стороны окружающих. Вместе с тем, такой негативизм довелось испытать примерно 12 % опрошенных. В 2017 г. подавляющая часть опрошенных (90 %) также отметила, что их этнические признаки не повлияли на отрицательный настрой окружающих. Однако, такой негативизм довелось испытать примерно 11 % опрошенных (из-за национальности – 8 %, из-за языка – 2 %, из-за религии – 1 %). Однако негативное отношение слабо влияет на общую позитивную атмосферу в межэтнических отношениях, а также на наличие гражданской и этнической идентичности. Отвечая на проективный вопрос, относительно перспективы совместного обучения в одном классе (группе) с мигрантами, 43 % респондентов высказали свое положительное отношение, 50 % - нейтральное. Только 4% опрошенной молодежи относятся к мигрантам негативно.

Таким образом, анализ собранного материала показывает, что в настоящее время в республике достаточно гармонично выстроена система

идентичностей: доминирующая российская гражданская идентичность сочетается с этнической идентичностью и с региональной. В молодежном сегменте опрошенных соотношение этих видов идентичности находится в пропорции 4:2:1. Институт образования, выполняя функцию формирования ценности этнической культуры, сознательной установки на ее воспроизводство и поддержание этнического самосознания, не менее важную роль играет в формировании общероссийской гражданской идентичности. При этом этнокультурное образование в Калмыкии не оказывает понижающего влияния на формирование гражданской идентичности молодежи.

Литература:

1. Намруева Л. В. Молодежь Калмыкии: выбор идентичности (по итогам опросов) // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Мат-лы IV Очередного Всерос. социол. конгресса: Электронный ресурс. М., Уфа, 2012. С. 2497-2502.
2. Гаджигасанова Н. С. Динамика и детерминанты формирования идентификаций в условиях регионального центра (на примере г. Ярославля) // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 25-27 сентября 2014 г. / Отв. ред. Г. Ф. Габдрахманова. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 39-43.
3. Денисова Г. С., Денисова А. В., Намруева Л. В. Этнокультурное образование в Республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности? // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 176-186.
4. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М. Пройденные пути и некоторые проблемы современной российской этносоциологии // Социологические исследования. 2014. № 7. С. 102-112.
5. Мунянова Б. М. Национальное самосознание и этническая идентичность калмыцкой студенческой молодежи Калмыкии // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 58-68.
6. Намруева Л. В. Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 138-141.

МЕДИА СТЕРЕОТИПЫ В СЕТЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Е.А. Степанова
аспирант

Кубанский государственный университет
г. Краснодар

Аннотация. В статье раскрывается специфика медиа стереотипов в сетевом пространстве России. На основании проведенного медиаметрического анализа отмечается, что гендерный аспект обуславливает процесс дифференциации медийного пространства и способствует разделению потребительских интересов аудитории

Ключевые слова: медиа стереотип, сетевое пространство, гендерная дифференциация рейтинг.

Современный человек вынужден воспринимать огромные объемы информации каждый день. Появление сети Интернет только увеличило данный поток, что привело к формированию избирательного подхода к вопросу восприятия новых данных. Так, опросы населения показывают, что все меньше россиян смотрит телевизор [1]. Тем не менее, доля населения ежедневно просматривающая различные шоу и телепередачи по-прежнему велика. В то время как молодое поколение выбирает для решения своих информационных задач и нужд сеть Интернет, для большей части населения среднего и старшего возраста телевизионный контент остается основным способом развлечения и получения информации.

Рассматривая структуру и наполняемость современного телевизионного контента (рекламы, ТВ-шоу, сериалов и пр.), необходимо отметить, что одним из основных инструментов, используемых в медийной среде остается стереотип. Это связано со стандартизацией информации и образов, используемых СМИ. В современной ситуации стремления к гендерному равенству и положительному восприятию образов мужчины и женщины, понимание направления политики средств массовой информации чрезвычайно актуально.

Ежедневное восприятия медийных стереотипов приводит к искаженному пониманию реальности. Человек начинает

верить, что представленные образы являются нормальными и преобладают во взглядах общества, что приводит к изменению стандартов и восприятия идентичности [2]. Большая часть контента медиа-среды содержит различные гендерные стереотипные образы. Они строятся таким образом, чтобы вызвать у зрителя определенные эмоции и чувства, как положительные, так и негативные [3].

У современного потребителя медиа услуг есть возможность выбирать, какой контент просматривать. Медиатексты учитывают характеристику избирательности, используя стереотипы в основе сюжета. Один из способов изучения избирательности телезрителей являются рейтинги популярных телешоу. Ежегодно медийное агентство Total View публикует рейтинг 100 самых популярных по просмотру телепередач в России [4]. Данный рейтинг может показать, какие передачи выбирает потребитель, а также какие образы и стереотипы используются в данных передачах.

В процессе анализа 100 самых популярных телепередач были разделены на гендерно-ориентированные и нейтральные. В современном медиа-пространстве преобладают нейтральные шоу, в то время как на гендерно-ориентированные приходится всего лишь 24% контента.

Нейтральные передачи можно разделить на группы по целевой направленности: 19 % из них

составляют новости (Время, Воскресное время, Вести недели), 16% - шоу развлекательного характера (Поле-чудес, Минута славы, Кто хочет стать миллионером?), 11% составляют скандально-дискуссионные передачи (Пусть говорят, Ты не поверишь!). Подавляющее большинство передач (23%), которые можно отнести к нейтральным, представляют собой биографические шоу и документальные фильмы. Меньше всего просмотров приходится на передачи с детьми (Лучше всех!) – всего 3 %.

Рассматривая гендерно-ориентированные передачи, имеющие в своем сюжете женские и мужские образы, можно выделить три типа подобных программ. Первый тип представляет собой шоу, напрямую рассматривающие проблемы и образы мужского и женского, например, «Мужское/женское» рассматривает проблемы пар и предлагает конкретные их решения, шоу «Давай поженимся!» использует образы жениха и невесты, а сериал «Воронины» демонстрирует образ идеальной семьи.

Вторая категория телепередач направлена на целевую аудиторию в составе мужского населения. Сто самых популярных телепередач включают в себя 12 передач, ориентированных на мужчин. Третья категория – ориентированные на женщин программы – включает всего 8 передач. Особенно интересна тематическая составляющая данных программ. В то время как мужчины больше интересуются ремонтом, автомобилями и криминальными детективами, разброс передач для женщин крайне мал. Рейтинг включает в себя 8 стереотипно женских сериалов, основывающихся на одинаковом сюжете: несчастной или неразделенной любви, изменах и финансовом неравенстве.

В ходе анализа было отмечено, что в списке популярных отсутствуют кулинарные шоу, традиционно считающиеся женскими. Данный

стереотип восприятия не удалось подтвердить с помощью рейтинга 100 популярных ТВ-передач.

Гендерно-ориентированные передачи практически всегда воспринимаются как женские. Более того, домохозяйки считаются самой медийно-активной группой. Согласно статистическим данным на 2017 год доля безработных женщин в России меньше, чем неработающих мужчин (47,3% и 52,7% соответственно). Можно было бы сделать вывод о том, что большая часть потребителей медийных услуг – мужчины. Однако, недавний опрос «Левада-центра» показал, что 33 % женщин регулярно смотрят телевизор, среди мужчин данный процент составил 29% [5]. Таким образом, женщины – преобладающая медийно-активная группа.

Рассмотрев сто самых просматриваемых шоу, можно сделать вывод о том, что потребители информационных услуг действительно выборочно подходят к просмотру телевизионных программ. Более того, количество гендерно-ориентированных шоу указывает на отход людей от шаблонной информации и стереотипных образов. Однако, наполненность и тематика сериалов, направленных на женскую целевую аудиторию вызывает тревогу за восприятие современными женщинами образа жены и матери. Ни одна из представленных передач не содержит образа счастливой женщины.

Стойкие стереотипы общества и медийное пространство тесно взаимосвязаны. Реклама, шоу и сериалы стремятся завладеть вниманием потребителя и используют для этого устоявшиеся шаблоны восприятия. Тем не менее, подавляющее большинство популярных передач не имеют гендерной окраски, поскольку общество стремится отойти от устоявшихся стереотипов.

Литература:

1. Все меньше россиян смотрят телевизор / Официальный сайт портала «Актуальные комментарии». URL: <http://actualcomment.ru/vsye-menshe-rossiyan-smotrit-televizor-1608271132.html> (Дата обращения 11.09.2017 г.).
2. Черных А.И. Мир современных медиа. И.: Территория будущего, 2007.

3. Чельшьева И.В. Анализ медийных стереотипов на занятиях в студенческой аудитории (на примере изучения телевизионной рекламы) / Медиаобразование, 2009. Стр. 26-27.
4. 100 наиболее популярных телепрограмм среди россиян / Официальный сайт медийного агентства Total View. URL: <http://www.totalview.ru/100-naibolee-populyarnykh-tv-programm-sredi-rossiyan> (Дата обращения 11.09.2017 г.)
5. Напряжение и стресс / Официальный сайт «Левада-центр» URL: <https://www.levada.ru/2017/09/15/napryazhenie-i-stress/> (Дата обращения: 11.09.2017 г.)

СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ХАРАКТЕР РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С.А. Тлехатук

аспирант кафедры философии и социологии
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация. В статье проведен анализ структуры региональной правовой идентичности, выявлены составные компоненты правовой идентичности и ее характерологические особенности.

Ключевые слова: многоуровневая идентичность, правовая идентичность, самосознание, конфликт идентичностей.

В условиях, когда процессы глобализации затрагивают общественные отношения, диалог культур в многонациональном государстве становится особо актуальным. Вопросы, касающиеся особенностей определенной нации и отличий традиций, культуры, мировоззренческих установок от другой, приобретают новые черты в современном мире. Спектр изучения идентичности направлен на взаимозависимость и переплетение с правовым полем, т.е. с правовой идентичностью.

Региональная правовая идентичность уникальна в каждом регионе страны и мира, потому нельзя говорить, что везде данное явление проявляется одинаково, так как социокультурные процессы региональной идентификации в правовом поле региона разнятся по ряду показателей, что определяет изучение региональной правовой идентичности интересной и значимой задачей, разрешение и углубленное рассмотрение которой способно открыть новые социокультурные технологии в области совершенствования правовых реалий.

Региональная правовая идентичность – это понятие в направлении изучения социокультурных особенностей регионального развития. Являясь особым видом идентичности, региональная правовая идентичность взаимосвязана с особыми чувствами территориальности или места. Региональная правовая идентичность сопряжена с особыми социальными нормами, действиями, культурными ценностями, которые доминируют

в пределах региона и, соответственно, локализуемых в определенном пространстве, выражая региональный контекст, сформированный в силу исторического, духовного, культурного, политического и социального развития региона.

Ряд ученых утверждает, что региональная правовая идентичность выступает массивом переживаемых и осознаваемых смыслов и ценностей конкретной общности региона, который создает самосознание принадлежности гражданина к территории. В данном случае вопросы региональной (локальной) идентичности выступают определяющими, ввиду того, что являются собой психологические, культурные и социально значимые, специфические для каждого, отдельно взятого региона, признаки.

Исследования в области региональной правовой идентичности определяют данное понятие как результат отождествления индивида по системе: «Я – член общности территории» [1, с. 97]. Каждый индивид обладает фиксированным набором образа своей территории и данный набор идентификации является постоянным. Как правило, теория общности была основана на убеждениях о конкретно ограниченном, территориальном, социокультурном пространстве территории. Представляется, конфликта идентичностей не избежать там, где несколько групп претендуют на одну социокультурную, политическую и историческую территорию. Территориальный инстинкт общности увеличивается тогда, когда

общность региона находится в положении пограничного состояния.

Феномен многоуровневой идентичности предстает крайне сложным явлением, который включает в себя все новые и новые уровни идентичности. История и опыт социокультурного развития показывают, что для полиэтнической Российской Федерации не может быть свойственна «простая идентичность», идентичность в нашем государстве представляется только лишь многоуровневой. Ученые выделяют следующие уровни идентичности: этнический, региональный, национальный, геополитический и цивилизационный [2, с. 12]. Перечисленные уровни идентичности находятся в иерархически структурированной взаимосвязи друг с другом и представляют собой сложную систему.

Региональная правовая идентичность является «ключом», который позволяет конструировать регион в качестве пространства, обладающего социокультурными, политическими и институциональными особенностями.

По мнению ученых, интенсивность окраски особенностей региональной составляющей находится в непосредственной взаимозависимости от проявления правовых региональных интересов социокультурных групп, населяющих регион, что влияет на общую правовую картину государственного устройства Российской Федерации.

В контексте формирования региональной правовой идентичности актуальным видится вопрос о том, что влечет за собой общее место проживания для конкретной совокупности населения граждан. Ответом на данный вопрос выступает именно региональная общность как неотъемлемый, ведущий компонент идентичности. Необходимое осознание специфики субъекта, которая определяет направление правовой самоидентификации населения – путь к толерантности и уважительному отношению друг к другу в многонациональной России.

Потому как географические и социокультурные составляющие выделяют

определенный регион среди остальных территорий, объединение и создание некой совокупной общности территории, достижимо при достаточных основаниях, а именно:

- общая историческая судьба, которая свойственна только лишь конкретной социокультурной группе общества;
- особенности культурного развития внутри региона;
- географическое единство;
- общий тип экономического развития территории.

Итак, можно с уверенностью говорить, что для региональной правовой идентификации ведущим компонентом выступает наличие территориальной связи. Территориальная связь характеризуется возникновением общей правовой идентификации на основании совместно осуществляемого процесса жизнедеятельности в рамках соседствования членов социокультурных групп.

Региональная правовая идентичность подвержена генерированию непосредственно социокультурной общностью (процессы внутренней идентификации). Немаловажным фактором формирования региональной правовой идентичности является тот, который формирует ее посредством приписывания некоторых правил общностью посторонней, то есть влияние извне. Вышеперечисленные факторы формирования региональной правовой идентичности взаимосвязаны и находятся в состоянии динамического развития.

В сложных социальных организациях, каковыми являются современные общества, идентичность имеет многоуровневый характер. Тенденция к усложнению идентичности приводит к распространению практики двойной или даже сложносоставной идентичности. Мы рассматриваем региональную правовую идентичность как пример сложносоставной идентичности, которая выстраивается на взаимодействии двух значимых для сообщества его носителей составляющих. Под сложносоставной идентичностью понимается «соотнесение индивида с такой референтной

группой, в социокультурных паттернах которой неразрывно слиты две или более разнопорядковые идентификационные характеристики» [3, с. 102]. Региональная правовая идентичность – сложносоставной и комплексный концепт, в котором в той или иной степени соотносятся региональная и правовая составляющие.

Самым главным показателем региональной правовой идентичности является управляемость процессом данного феномена. В структурировании политических стратегий управления развитием регионов необходимо учитывать абсолютно все факторы региональности. Современный этап социокультурного и политического становления сообщества требует использования масштабных по размерам макроэкономических методов во

благо сбалансированного распределения ресурсов и средств на территории государства. Данные методы выступают одним из ключевых направлений позитивного русла в формировании взаимоотношений функционирования и существования региональных правовых идентичностей субъектов. Однако нельзя забывать, что региональная правовая идентичность по своей природе

чрезвычайно сложное явление общественной жизни. Процессы глобализации влекут за собой дифференциацию пространственно-политических связей, то есть регионализацию. Данные условия подтверждают разумность рассмотрения региональной правовой идентичности в качестве феномена, невероятными темпами корректирующим процесс развития мирового сообщества.

Литература:

1. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социс. 1998. № 4. С. 94-101.
2. Многоуровневая идентичность / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляушева, А.Ю. Шадже. М.: Российское философское общество; Майкоп: ООО «Качество», 2006. 245 с.
3. Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60-66

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ РОССИЯН

А.П. Федоровский

доктор философских наук, профессор
АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»
г. Ставрополь

О.В. Мацко

АНО ВО «Северо-Кавказский социальный институт»
г. Ставрополь

***Аннотация.** В статье раскрываются особенности генезиса и эволюции этнокультурного сознания россиян. Утверждается, что важнейшими регулятивами функционирования этнокультурного сознания выступает особое переживание ретроспективного опыта и осознание общей исторической судьбы.*

***Ключевые слова:** этнокультурное сознание, коллективное мышление, российский суперэтнос, социокультурная самобытность.*

Этнокультурное сознание современного российского общества является достаточно сложно структурированным образованием, наполненным противоречивым содержанием и характеризующимся разнонаправленными интенциями. Последние десятилетия его функционирование зачастую образовывало тренды диаметрально противоположной направленности: межкультурную солидарность и этнический сепаратизм, непреклонность и готовность к компромиссам, реализм коллективного мышления и склонность к утопическому конструированию. Деструктивные тенденции преобладали в 90-е годы минувшего столетия, а впоследствии произошла радикальная смена вектора общественной рефлексии.

Сам по себе факт высокой степени лабильности коллективного сознания российских этносов является достаточным основанием для его локализации в проблемном поле современных социально-гуманитарных наук, превращения таковой в предмет пристального внимания профессионального сообщества. Прежде всего, как нам представляется, следует получить ответ на вопрос относительно характера детерминации столь резких изменений настроений в этническом сознании. Являются ли они следствием конкретных эмпирических процессов и явлений

или, напротив, сами по себе выступают катализаторами последних.

Другой вопрос соответствующей исследовательской повестки должен быть связан с иммунитетом этнокультурного сознания от внешнего манипулятивного воздействия, от попыток втянуть отдельных представителей этносов в разного рода деструктивные действия. Очевидно, что указанный вопрос следует решать с учетом самодостаточности этнокультурного сознания, автономно продуцирующего собственные чувства и настроения, самостоятельно формирующего повестку дня для того социума, который является его носителем.

Можно предположить, что одним из важнейших регулятивов функционирования этнокультурного сознания выступает особое переживание ретроспективного опыта, приобретенного социумом в процессе его исторического развития. Такого рода переживания, как правило, выступают в двух основных формах, включающих в себя осознанную рефлекссию определенного событийного ряда, а также связанные с ним полубессознательные ощущения. Статус реакции зависит от совокупного исторического опыта конкретного этноса, равно как и от аналогичного опыта, принадлежащего всей нации в целом.

Крайне интересно проследить не только конкретный характер рассматриваемой нами реакции, но и трансформацию эмоционального, рефлексивного и деятельностного реагирования на аналогичные ситуации в темпоральном измерении. Очевидно, что внешне и содержательно похожие ситуации на различных исторических этапах переживались этносами по-разному. При этом еще большее значение для эффективного управления социальными процессами имеет умение властных структур и связанного с ними экспертного сообщества предвидеть вероятностное отражение в коллективном сознании и общественном мнении тех событий, явлений и процессов, которые лишены своих прообразов в прошлом.

Пониманию многих особенностей современного этнокультурного сознания как единого конгломерата многочисленных этнических общностей будет способствовать обращение к его генезису. В наших рассуждениях мы руководствуемся тем соображением что, исходным материалом коллективного сознания россиян стали разнообразные этнические сообщества, объединенные общностью ареала их обитания. Взаимная интеграция субэтносов происходила при одновременном сохранении их собственной социокультурной самобытности, что определило характер идентичности современного россиянина, в полной мере осознающего себя и как представителем всей нации, и как субъектом определенной этнической группы. В России никогда не действовали механизмы радикальной ассимиляции, работающие по принципу «плавильного котла», наиболее проявившему себя в процессе формирования американской нации.

Одновременное существование у социальных акторов нескольких моделей социокультурной идентичности во многом избавило наше общества от риска получить серьезный психологический стресс по причине необходимости отказа от ранее усвоенных культурных и поведенческих образцов. Современный россиянин, вне зависимости от его этнической принадлежности, одинаково комфортно чувствует себя как внутри

«материнской» этнокультурной матрице, так и за ее пределами.

Одним из атрибутов этнокультурного сознания россиян стала толерантность, избавившая общество от внутреннего раскола, водоразделом которого могли бы выступить социокультурные факторы. Аналогичным образом и отдельно взятый актер не знает противоречий внутри самого себя, своих чувств, привязанностей и личностных структур. В свою очередь, многочисленные факты указывают на то, что любое обострение межнациональных взаимоотношений в нашей стране не имеет под собой имманентной основы, а носит искусственно инспирированный характер и обладает всеми признаками нарочитости. Совершенно не случайно все акты ориентированные на артикуляцию этнокультурных «преференций», не оставляют ощущения утрированности и хорошо продуманной аффектированности.

Сохранение полноценной самобытности каждого отдельно взятого этноса гармонично сосуществует с причастностью каждого из них к российскому суперэтносу как реально существующей трансэтнической общности. Наиболее наглядно в эмпирическом отношении такого рода причастность обозначает себя в критические моменты исторического развития, когда требуется максимальная сплоченность всех субъектов социума, их предельная концентрация для решения жизненно важных задач. В пользу сказанного свидетельствует, в частности, общий вклад в победу в Великой Отечественной войне всех этносов тогдашнего Советского Союза, а также консолидированная позиция всех россиян, независимо от их национальной принадлежности, по «крымскому вопросу» и событиям на юго-востоке Украины.

Можно со всей уверенностью утверждать, что мы имеем дело с функционированием уникальных интегративных механизмов, не имеющих аналогов в мире. Эффективность последних намного превосходит даже «коэффициент полезного действия» знаменитого американского «тигля», традиционно

рассматриваемого как идеальный инструмент устранения межэтнических противоречий. Последнее, к слову сказать, было отмечено и самими американскими учеными. Так, знаменитый М. Курти в классической работе «Истоки американской лояльности» (1946), фиксирует расколотость сознания нации в период Второй мировой войны, когда эмигранты даже во втором поколении оказались скорее носителями символического гражданства некогда покинутых ими государств, чем реального своей новой родины [1].

Существует еще одно преимущество отечественной модели этнокультурного интегративизма, отличающее ее от аналогичных известных нам моделей. Это касается мотивов лояльности своей стране. Если для типичного эмигранта, прибывающего на новое место

жительства стимулом для социокультурной адаптации, и в конечном итоге для отказа от первичной идентичности, является надежда на повышение уровня благосостояния или расширение гражданских свобод, то для российских этносов патриотическая идея лишена каких-либо прагматических коннотаций и основывается исключительно на представлениях об общей исторической судьбе, межэтнических привязанностях и психологическом комфорте совместного сосуществования.

Разумеется, поднятые в настоящей статье вопросы еще ждут своих ответов, которые могут оказаться весьма непростыми. Ясно одно, в современном российском обществе имеет место ясное осознание величия нации, гордость за свою историю и серьезный заряд социального оптимизма в отношении будущего.

Литература:

1. Curti M. The Roots of American Loyalty. - N.Y.: Atheneum, 1968. P. 267.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГЕ РОССИИ¹

З.М. Хачецуков

кандидат философских наук, доцент
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления исследования этносоциальных процессов на Юге России через призму социальных практик, выделяются основные проблемные точки, делается попытка выхода на перспективы дальнейшего исследования и расширения аналитического инструментария.

Ключевые слова: этносоциальные процессы, социальные практики, идентичность, архаизация, экспертное сообщество.

Обращаясь к проблеме регулирования этносоциальных процессов, необходимо остановиться на ряде важных вопросов.

Во-первых, следует обратиться к вопросу идентичности, ее структуры, факторов формирования, протеканию процесса идентификации. Этническая идентичность, как одна из составляющих социальной идентичности может занимать разное место в системе многоуровневой идентичности современного индивида и актуализироваться в разной степени во время различных социальных практик. Прежде всего, конечно актуализация этнической идентичности происходит в процессе социальной коммуникации с носителями другой этнической идентичности, использующими репрезентацию этнической идентичности с целью повышения собственных ресурсов за счет обращения к ресурсам этнической группы, с целью демонстрации высокой заинтересованности в объекте конфликта, с целью повышения собственной значимости в глазах окружающих. Ответной реакцией на подобное социальное действие обычно является добровольное или вынужденное обращение к собственной этнической идентичности, которая в другое время может быть слабо актуализирована, или даже вообще не актуализирована. Таким образом, можно говорить о «фоновом» повседневном уровне актуализации этнической идентичности, а также об «ситуативном» уровне (или уровнях) – который проявляется в хоте тех или иных

социальных практик. Факторы формирования такой идентичности, ее компоненты (знания, ценности, паттерны, идеалы) их трансляция – это одна из важнейших тематик исследования конкретных межэтнических взаимодействий. И если исследование «фонового» уровня имеются определенные сложности, связанные с трудностями проявления его индикаторов, то исследование проявлений этнической идентичности в конкретных ситуативных состояниях довольно успешно проходит в русле социологической науки, особенно с применением неоинституционального подхода.

Отдельной проблемой этой тематики является вопрос надэтнической идентичности как фактора консолидации этнических общностей в рамках полиэтнического объединения. Такая идентичность является основой для конструирования национального сообщества. Исторически существует не так уж много типов подобной идентичности: имперская (династическая), религиозная и гражданская. Поскольку первая актуальна только для традиционного сословного общества, а Россия – поликонфессиональное и к тому же светское государство, большинство исследователей сходятся на мысли, что следует рассматривать возможность конструирования единой гражданской российской идентичности. Поиск основания и конкурентных преимуществ перед локальными этническими идентичностями для гражданской общероссийской идентичностью

является одной из самых актуальных и востребованных в современном российском общественно-научном сообществе.

Во-вторых, следует обращаться к социальным и социокультурным процессам, выступающим факторами межэтнического взаимодействия. Таких процессов множество, не последнюю роль тут играет экономика, политика, но если сосредоточится на более общих процессах, то все упирается в базовое противоречие универсалистских и локалистских тенденций в развитии общественных систем.

Первая – выражаемая в глобализации (в том числе и культурной) и централизации (выстраивающей отношения типа «центр-периферия») приводит к размыванию этнических маркеров, универсализацию повседневности, и в конечном итоге разрушению этнического самосознания. В этих условиях межэтническое взаимодействие сопровождается культурной диффузией, культурной же ассимиляцией (реже – интеграцией) части этнических общностей. В плане исследования это приводит к тому, что крайне сложно обнаружить «чистый» этнический культурный элемент, не подвергавшийся конструированию деятелями культуры модерна. Внутренняя изменчивость этнических маркеров размывается, подгоняется под удобный для понимания, анализа и презентации конструкт, начисто лишенный своей связи с породившими данную форму этнической культуры реальными утилитарными практиками и глубинными смыслами.

Вторая тенденция, выражаемая в процессах демодернизации, архаизации, регионализации, традиционализации, фундаментализации и т.п., являясь диалектически связанной с первой, приводит к реактуализации этнической, региональной, религиозной идентичностей и усилению их позиции в системе многоуровневой идентичности индивида. В сфере этносоциальных процессов и межэтнического взаимодействия это выражается прежде всего в процессе этнизации, который не только усиливает этническое самосознание населения, но и придает этническую форму тому, что изначально не имело

отношения к этничности. Так элементы этничности начинают приобретать идентификационные маркеры культурных и социально профессиональных групп (ярче всего этот процесс виден по многолетней, то затухающей, то разгорающейся борьбе за этнический статус казаков), конфликты, имеющие политический, экономический или территориальный объект обретают статус этнического (в плоскость межэтнических переходят, например, конфликты мигрантов и принимающего сообщества), культурные общности возникшие в относительно недавнем прошлом, начинают позиционировать себя как этнические. Процессы архаизации, разрушающие выработанные Просвещением самоидентификационные маркеры, приводят к тому, что социум вынужден обращаться к однажды уже отвергнутым архаичным формам коллективной солидарности (процесс особенно наглядный для российского общества, где клерикализация общественной жизни, консервативная националистическая идеология, в том числе возрастающие симпатии к монархической форме правления, распространение в официальном дискурсе опоры на традицию и охранительные формы солидаризма типа патриотизма – являются трендом, требующим серьезной научной экспертизы). В этих условиях обращение к этничности в ходе социальных практик становится неизбежной частью социальной реальности.

В-третьих, следует обратиться к теме накопленного и опривыченного опыта межэтнического взаимодействия в полиэтничном регионе на уровне повседневных практик и межличностной социальной коммуникации. Долговременное сосуществование множества конфессиональных и этнических сообществ на одной территории, в рамках одной экономической и политической деятельности, наличия постоянного культурного обмена и консолидирующего фона русского языка и культуры, способствовавшего налаживанию коммуникации – все это позволило

создать ряд «низовых» повседневных практик взаимодействия, в том числе и по урегулированию конфликтов между представителями различных этнических сообществ. Все эти практики, практически без рефлексии входят в основу традиционной культуры полиэтничных регионов и успешно воспроизводятся, образуя соответствующие неформальные социальные институты. Впрочем, нельзя не отметить, что межэтническая напряженность и межэтнические конфликты точно также могут быть «записаны» в институциональную систему этнической культуры и воспроизводиться даже без наличия действительно существенного объекта социального конфликта. Деконструкция этих социальных практик с последующей рефлексией и конструированием – это область эффективного применения научного потенциала общественных и гуманитарных наук прежде всего на локальном уровне.

Также следует указать на то, что благодаря миграционным процессам и стремительному развитию средств массовой коммуникации опривыченные формы социального взаимодействия нередко утрачивают эффективность ввиду инновационности возникающих проблем. Нарботанные нерелексируемые приемы разрешения возникающих противоречий сталкиваются с совершенно иными социальными практиками, воспроизводимыми иноэтничными мигрантами, особенно, когда размер их сообщества позволяет сохранять относительную гомогенность. Сбои в функционировании социальных практик межэтнического взаимодействия может привести к перенесению негативного отношения в другие, ранее эффективные социальные практики межкультурного диалога.

В-четвертых, следует обратиться к позитивному опыту регулирования

этносоциальных процессов и профилактики межэтнической напряженности, который имеется на международном, государственном, региональном и локальном уровнях у различных структур управления, а также той роли, которую в этом регулировании играет научное сообщество. Научное сообщество неоднократно обращалось к этой проблематике, все больше осознавая неизбежность своего вовлечения в решение задач, которые раньше считались областью работы политиков и управленцев. Прежде всего, это вызвано «повышением ставок», т.е. ростом «цены ошибки» в области регулирования этносоциальных процессов. Современное общество отличается повышенной сложностью, комплексностью протекающих в нем процессов, в том числе глобального уровня. В этих условиях только инструментальный научный поиск может позволить эффективно работать с таким сложным объектом. И этот подход подтверждается рядом успешных проектов изучения и создания комплекса практических рекомендаций по этносоциальным процессам в различных регионах России с ярко выраженной этнической спецификой (Татарстан, Сибирь, Северный Кавказ и т.д.). Успешно идет работа как федеральных центров, так и местных научных сообществ.

Однако, в то же самое время, следует признать, что классические дисциплинарные методы научного изучения общества и этноса уже не дают прежней ясности картины, не позволяют не просто констатировать этносоциальные процессы *post factum*, но и предупреждать и регулировать их в текущем времени. На это способно только продуктивное использование потенциала междисциплинарного подхода и инновационной методологии, стремительно развивающейся на стыке ранее далеких друг от друга наук.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛИЭТНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

А.Ю. Шадже

*доктор философских наук, профессор
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп*

Аннотация. предлагается рассмотреть инновационное развитие полиэтничного общества с учетом взаимодействия культуры и экономики, обращая внимание на значимость социокультурного фактора. Автор показывает возможности культурных традиций в инновационном развитии и необходимость учета региональной инновационной системы.

Ключевые слова: инновация, культура, экономика, сложная система, полиэтничное общество, традиция

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект №15-18-00148 «Этносоциальные процессы и межэтническая напряженность на Юге России: совершенствование аналитического инструментария и способов регулирования».

В условиях новой реальности инновационное развитие полиэтничного региона приобретает исключительную актуальность. Во-первых, нужно добиться того, чтобы курс на инновационное развитие сплотило российское общество. Во-вторых, раскрыл потенциал региональной инновационной системы и открыл новые возможности для развития российских регионов.

Между тем, термин «инновация» применительно к развитию полиэтничного региона, возможно, удивит многих. Действительно, проблема возникновения новизны в развитии сложного, а именно новизны в развитии сложной саморазвивающейся региональной системы. Однако, проблема возникновения нового в традиционном обществе может быть поставлена под сомнение.

1. О взаимосвязи культуры и экономики. Традиционно считают, что развитие социума в первую очередь, определяет экономика, которая оказывает также влияние на этносоциальные процессы. Однако здесь возникает вопрос: может ли культура, наряду с экономикой (и политикой), рассматриваться как определяющий фактор развития общества?

Культурные и экономические трансформации настолько связаны друг с другом в своем

развитии, что эта взаимосвязь позволяет определить пути и направленность развития общества/региона. Это главный тезис модернизации в работах, начиная с К. Маркса и М. Вебера до Д. Белла.

Между тем относительно соотношения культуры и экономики продолжаются научные дискуссии. Особенно они касаются характера их причинно-следственных связей: экономические связи влияют на изменения в культуре или наоборот?

Известно, что многие исследователи, следуя марксизму, предпочтение отдают экономике. Противоположная точка зрения, руководствуясь теорией М. Вебера, склоняется к культурному детерминизму.

Культура представляет собой сложную саморазвивающуюся систему, элементами которой являются знания, навыки, ценности, воззрения, усвоенные в данном обществе и передающиеся из поколения в поколение. В том или ином обществе экономическая система располагает соответствующей культурной системой, на которую она опирается. В таком обществе усвоены культурные ценности, определенные нормы и правила. При их отсутствии, власти навязывают обществу такие ценности. На языке синергетики, это такое

силовое вмешательство, которое может разрушить систему «общество». Поэтому важно отметить, что саморазвитие системы можно и нужно направлять.

В вопросе взаимодействия культуры и экономики мы следуем тому, что «взаимосвязи между экономикой, с одной стороны, и культурой и политикой, с другой, носят взаимодополняющий характер, как это происходит в отношении различных систем биологического организма» [2, с. 267].

Перефразируя Р. Инглегарта, представляется возможным утверждать, что теоретическая концепция (или модель) развития общества, учитывающая культурные факторы, обладает гораздо большей актуальностью, ценностью, эффективностью и объясняет гораздо больший спектр изменений различных показателей, чем концепция (или модель), опирающаяся лишь на экономику.

2. *Учет исторически сложившегося социокультурного пространства и времени.* Трансформация современного общества и его инновационное развитие должно рассматриваться в контексте его истории (в рамках исторически сложившегося социокультурного пространства и времени). Достаточно вспомнить из истории Российского государства, что могут сделать радикальные реформы. Могут ли они тормозить развитие страны? П. Сорокин впервые сформулировал четыре необходимых признака радикальных реформ, которым предшествовали уроки четырех российских реформ: 1861, 1906, 1918 и 1921 годов. На первое место он поставил соответствие содержания реформ, и в современных условиях применимо к развитию общества, менталитету народа, его представлениям о желаемой цели, о добре и зле. Руководствуясь этим положением, можно дать однозначный ответ на вопрос: почему программы экономического развития нашей страны «100 дней», «500 дней», концепция догоняющей модернизации оказались не эффективными?

Практика доказала, что в инновационном развитии в качестве эталона мы не можем

руководствоваться западными или восточными образцами/ценностями. Где искать инновационный путь развития нашей страны? Новые точки роста следует искать в синтезе западных и восточных путей развития [3] Именно цивилизационно-культурный опыт разных стран с учетом социокультурных особенностей нашей страны может составить основу инновационной модели развития.

3. *Возможности полиэтничного общества в инновационном развитии общества.* Рассмотрение инновационного развития осложняется при анализе полиэтничного общества. В свою очередь это навеивает вопросы: «Как развивается полиэтничное общество?» «Является ли препятствием в развитии культурная самобытность и полиэтничность?»

На эти вопросы даются разные ответы, порой взаимоисключающие друг друга. Понятно, что социально-гуманитарные науки не дают однозначного ответа на эти вопросы. Однако попытка дать когнитивно оправдываемые ответы на поставленные вопросы нацеливают на переосмысление традиций.

Дело в том, что традицию не следует рассматривать как нечто застывшее, закостеневшее. Традиция есть источник развития. Во-первых, традиции в том виде, в каком они исторически формировались, не могут существовать. Сама традиция развивается, обновляется, приобретает новые смыслы. Когда говорим об инновации, то «ищем» ее в социокультурном пространстве традиций. Именно те традиции, которые могут развиваться в будущем, являются основой инновации.

В современных условиях происходит «модернизация традиционности» (А.Б. Гофман). «В настоящее время, в связи с процессами глобализации, информатизации, развития средств коммуникации, расширяется диапазон отбираемых и актуализируемых традиционных культурных образцов различных обществ. Усиливается их подвижность, интенсифицируются процессы взаимообмена, заимствования, диффузии. Интенсифицируются не только инновации, но и процессы их

традиционализации. Происходит «делокализация» и «детемпорализация» традиций, их отрыв от фиксированных пространственных и временных рамок. При этом постоянное движение традиционных образцов происходит не только от «центра» к «периферии» мировой системы, но и в обратном направлении» [З с. 243].

Отсюда вывод (и практика подтверждает), что культурные традиции, нацеливающие на бережливость, целеустремленность, умение брать на себя ответственность, демонстрируют, как правило, высокие темпы экономического роста.

В современных условиях усложняется мир, в частности и общество, представляющее собой сложную саморазвивающуюся систему, которая является нестабильной с высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. В такой системе усложняются методы управления, приобретающие новый характер, нелинейное мышление, новую методологию и креативный подход. Зная о высокой чувствительности сложных систем к флуктуациям, есть смысл использовать потенциал полиэтничной региональной инновационной системы.

Литература:

1. Инглегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1990. С. 261 – 291.
2. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
3. Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2010. Том IV. Человек в поисках идентичности / Под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010, С. 241– 254.

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК СИСТЕМНЫЙ РЕСУРС ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ОППОЗИЦИИ «ТРАДИЦИЯ-МОДЕРН»

А. А. Шаов

доктор философских наук, профессор
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

В. Н. Нехай

доктор социологических наук, доцент
Адыгейский государственный университет
г. Майкоп

В.Н. Киров,

доктор биологических наук, профессор
Южный федеральный университет

Аннотация. В статье раскрывается влияние ценностей и принципов модерна на процесс деградации созидательного потенциала традиционных институтов, в частности, религии как базового соционормативного метарегулятора. Отмечается, что в условиях глобализации, сегментирующей человеческое сознание, нарастает энтропийность этноконфессиональных отношений, в связи с чем, гармонизация межконфессионального взаимодействия на Юге России осуществима посредством расширения интеллектуального сотрудничества между религиозными объединениями и образовательными учреждениями, укрепления знаниевого потенциала представителей религиозной элиты.

Ключевые слова: традиция, модерн, этноконфессиональный диалог, поликонфессиональность, просвещение.

В начале XXI века наряду с реконструкцией этнокультурных координат духовного развития человечества происходит маргинализация социальных взаимодействий, сопровождаемая радикальной индивидуализацией личности. Она существенно ослабляет дух этнического коллективизма, который сохранял свое императивное значение в морально-этических и социорегулятивных системах традиционного общества. Если еще в сетевых сообществах, пусть даже и посредством подмены понятий «коллективного» и «корпоративного» сохраняется определенная соционормативность, то институции общества модерна утрачивают формально легитимный контроль над традиционными социальными институтами. Особенно ярко этот процесс проявляется в эволюции института семьи и брака. В традиционном обществе социальное окружение семьи в лице сородичей, представителей духовной или светской власти не вмешивалось в

семейный быт и отношения между ее членами, но при этом институт семьи сохранял поразительную устойчивость, а браки распадались крайне редко. Даже применение насилия в супружеских отношениях не являлось достаточным основанием для распада семьи. Напротив, общество модерна посредством форсированной имплантации принципов демократии, гуманизма и эгалитаризма в повседневную жизнь человечества до неузнаваемости изменило архитектуру семейно-брачных отношений. Отныне любая отсылка к примордиальным ценностям семьи (главенство мужчины, верность супругов, гендерная и возрастная субординация) стала восприниматься как попытка возрождения дискриминационных практик, посягательств на честь и достоинство человеческой жизни. Выстроенный в соответствии с логикой западноевропейской демократии социальный режим тотально подчинил институт семьи и брака принципам

вульгарного гуманизма. Как следствие, эмансипация альтертрадиционных практик в семейно-брачной жизни спровоцировала разложение базовых семейных ценностей и распад браков. Статистка свидетельствует о том, что роль современных институтов демократического общества в регулировании показателей брачности и разводимости ничтожно мала, и она не в коем разе не способна компенсировать авторитет и влияние традиционных институций, и, прежде всего, этноса и религии.

Данную интенциональную установку архитекторов модерна подмечает С.А. Ляушева: «Традиция рассматривалась как отмирающее, косное явление, которое под давлением современных форм жизни должно исчезнуть, поскольку не в состоянии противодействовать все возрастающей активности модернизационных процессов» [1: 90].

В условиях девальвации традиции как метарегулятива этноконфессиональных процессов и семейных ценностей как нормативных атрибуций общества усложняется процесс выстраивания межэтнического и межконфессионального диалога. И хотя большинство опрошенных (83%) в рамках социологического исследования с объемом выборочной совокупности N=1800, проведенного коллективом кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета в шести регионах Юга России и Северного Кавказа в 2015-2016 гг., независимо от региона проживания убеждены в том, что этноконфессиональные отношения должны выстраиваться в мирном ключе, без применения насилия, жители Юга России допускают определенные оговорки. В частности, допускается возможность применения силы в межконфессиональных и межэтнических спорах, если в отношении единоверцев и соотечественников осуществляется насилие. Такого мнения придерживаются только 49 % респондентов. Показательно, что в национальных республиках, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, в которых существуют благоприятные

геокультурные условия сохранения идентичности, данный показатель составляет всего 34,2% и 39,6% соответственно. При этом, на этнополитическом уровне в КБР и КЧР по инерции функционирует паритетная система распределения властных полномочий в регионе между представителями так называемых титульных этносов, что, казалось бы, должно обеспечить корреляцию политического диалога со структурой этносоциальных взаимодействий.

В рамках проведенного исследования выявлено, что высокий уровень этноконфессиональной консолидации фиксируется в Ростовской области, Адыгее и Краснодарском крае, что, на наш взгляд, связано со стремлением жителей трех субъектов продемонстрировать сопричастность опрошенных к судьбе своего этноса и привязке к своей этноидентификационной матрице религиозного компонента.

Несмотря на секуляризацию публичного пространства Северокавказского общества, фактор религии остается одним из базовых социокультурных нарративов. Это объясняется тем, что определение качества зоны социального комфорта осуществляется посредством оценки населением не только актуального состояния религиозной общины, но и характера межконфессиональных отношений. И как видно из результатов социологического опроса, 2/3 опрошенных (65,6%) характеризуют этноконфессиональную обстановку в регионе и населенных пунктах как благоприятную. При этом в Адыгее и Краснодарском крае положительную оценку региону с точки зрения межконфессионального взаимодействия дают 4/5 респондентов (81,7 и 80% соответственно). В пользу данного аргумента свидетельствует тот факт, что на территории Кубани и Адыгеи в последние пять лет не возникало никаких масштабных конфликтов на религиозной почве.

Осознавая значимость выстраивания этноконфессионального диалога, религиозные общины данного субрегиона проводят активную работу по противодействию религиозного экстремизма и радикализма. Особое значение

имеют сложившиеся дружественные отношения между Майкопской и Адыгейской епархией Русской Православной церкви и Духовным Управлением мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК).

Реализация данной цели ДУМ РА и КК осуществляется через целый комплекс мер.

Во-первых, в мечетях региона проходят пятничные проповеди, собирающие тысячи верующих. Во время их проведения перманентно затрагиваются вопросы формирования межконфессионального диалога между верующими, нравственного воспитания молодежи с учетом полиэтничного и поликонфессионального состава населения, проживающего на территории Кубани и Адыгеи. Большое значение в выстраивании архитектуры межрелигиозного согласия играет выполняемая Духовным управлением и просветительская миссия, осуществляемая посредством проведения целого ряда занятий, на которых изучаются основы исламского вероучения, доводится до слушателей идея о пагубности и бесперспективности участия в радикальных группировках, прикрывающихся знаменем ислама и использующих молодое поколение в своих деструктивных целях.

Просветительская задача в структуре приоритетов мусульманской общественности тесно корреспондирует с миссией профилактики религиозного экстремизма. Региональный муфтият в полной мере осознает необходимость противодействия распространению деструктивных практик равно как и формированию негативного информационного фона вокруг исламского мира, не имеющего никакого отношения к радикальным течениям и решительно осуждающего бесчеловечные действия экстремистов. И, действительно, как справедливо утверждает А.А. Шаов, в целях сохранения межконфессионального мира в первую очередь, целесообразно осуществлять превентивные меры по недопущению радикализма и экстремизма, что предполагает формирование знаниевых компетенций на основе освоения фундаментальных принципов

вероучения, гуманистического потенциала ислама, а также нейтрализации пропагандистской риторики квазиисламских структур и деятельности лиц, которые сознательно демонизируют его образы. Важно понимать, что формирование негативного отношения в социальной среде к религиозным ценностям – двусторонний процесс, который инициируется как псевдоадептами религии (ислам в этом вопросе не является исключением), так и лицами, которые на основании деструктивных практик религиозных маргиналов целенаправленно деформируют образ и статус ислама. Подтверждением созидательной ориентации исламского сообщества является постоянная готовность Духовного управления к участию не только в научных и общественных дискуссиях по вопросам межконфессионального диалога и межэтнического согласия, но и наличие апробированного инструментария инклюзивного участия в урегулировании конфликтов на национальной и религиозной почве.

Во-вторых, особое значение играет дальнейшее интеллектуальное развитие самих духовных лидеров исламской уммы регионального масштаба. Учитывая важность образования и получения новых знаний в области межконфессиональных и межкультурных коммуникаций, сотрудники ДУМ РА и КК совершенствуют свой профессиональный уровень посредством прохождения курсов квалификации как внутри региона, так и за его пределами, где в качестве лекторов выступают ведущие ученые российских ВУЗов. При этом, институциональную поддержку образовательному ресурсу оказывает Координационный центр мусульман Северного Кавказа, который становится дискуссионной площадкой по поддержанию диалога между мусульманской общественностью, конфессиональными объединениями северокавказского региона и научным сообществом Юга России. Результатом такого взаимодействия стала организация курсов повышения квалификации имамов на базе Пятигорского государственного университета,

которые направлены на расширение знаниевого потенциала религиозных деятелей и преподавателей исламских вузов Северного Кавказа и Юга России в области государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, а также в области религиозного образования и молодежной политики с целью решения важных общественных задач в соответствии с поручением Президента Российской Федерации [1].

Подводя итоги, следует отметить, что сопряжение созидательного потенциала религиозных объединений и интеллектуального ресурса образовательных учреждений позволяет расширить возможности регионального социума

в вопросе гармонизации межконфессиональных отношений, консолидировать этнические и этноконфессиональные организации в деле противодействия ксенофобии и экстремизма в молодежной среде. Данный тезис обретает особую актуальность в ракурсе глобализации информационного пространства, которая наряду с расширением возможностей по поддержанию дистантных этнокультурных контактов, становится ретранслятором квазитрадиционных ценностей, выводящим общественный дискурс в плоскость дискретного, сегментированного, а потому и неполного понимания роли традиционных институций в укреплении межконфессионального мира.

Литература:

1. Ляушева С.А. Религия в контексте взаимодействия культурных традиций и инноваций // Российская идентичность на Северном Кавказе / под общ. ред. А.Ю. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010. 248 с.
2. В Пятигорске прошли курсы повышения квалификации имамов и сотрудников религиозных организаций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dumraikk.ru/v-pyatigorske-proshli-kursy-povysheniya-kvalifikacii-imamov-i-sotrudnikov-religioznych-organizacij/>

ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В.М. Юрченко

доктор философских наук, профессор
Кубанский государственный университет
г.Краснодар

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы и перспективы патриотического воспитания современного студенчества. На основе анализа результатов социологических опросов делается вывод о том, что в качестве ведущего ресурса профилактики экстремизма в России целесообразно расширить механизм обратной связи между администрацией вуза и студенчеством.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, студенческая молодежь, национальная безопасность, учебный процесс.

В современной России молодёжь активно заявляет о своём участии в политической жизни. И не в качестве участника ролевой игры или очередного молодёжного проекта, мероприятия, акции, форума, где даются запланированные интервью, а в качестве полноправного актора политического процесса. Увеличение числа молодых людей, принимающих участие в различных митингах, акциях, недовольство определённых групп молодёжи (школьников, студентов, работающих) политическими, экономическими, социальными процессами, зачастую напрямую их интересы не затрагивающими, подтверждает необходимость поиска и осуществления механизмов более эффективной работы с молодёжью по вовлечению её в активную политическую жизнь. Причём с позиций не стороннего критика, а активного и патриотически настроенного реформатора.[1]

На форуме Общероссийского народного фронта «Качественное образование во имя страны», который состоялся в октябре 2014 года, Президент РФ В.В.Путин подчеркнул необходимость качественно преподавать, чтобы суметь ответить на вопросы современности и

готовить будущих граждан и специалистов для нашей страны. На наш взгляд, очень важно, что В.В.Путин уже не в первый раз обращает внимание на единство образовательного и воспитательного процессов, как в вузе, так и в школе. Воспитательная, гуманистическая составляющая образования, умение задавать ориентиры, которые определяют поступки, решения, выбор целей – всё это должна давать высшая школа.

Вопрос о воспитании российской молодёжи, о настоящем, не казённом патриотизме, о нравственных основах, ценностях, на которых мы должны строить нашу жизнь, поставлен Президентом страны. Обозначены проблемы: поиск живых, эффективных форм воспитательной работы. Особенно, когда речь идёт о такой тонкой, сложной сфере как формирование патриотических убеждений.

Мы считаем, что настало время изучить воспитательную роль системы образования, современные подходы к преподаванию таких базовых предметов как история, русский язык, литература, культура народов России, основы традиционных религий. Сюда же можно добавить практически весь гуманитарный блок, в том числе

социологию, политологию, право. Такое направление развития образовательного процесса обеспечит его единство с ценностными ориентациями граждан.

О необходимости ещё раз задуматься над проблемами образования в единстве с воспитанием гражданских качеств личности студенческой молодёжи нас заставили материалы социологических исследований на Юге России.

Департамент внутренней политики Администрации Краснодарского края провёл социологические исследования среди студентов КубГУ (май 2017 года). В целом они достаточно положительные для оценки работы ППС, так 67,7% опрошенных оценивают качество образования «высоко» и «очень высоко». Но что настораживает. На вопрос «Назовите людей из Вашего окружения (преподаватели, студенты), чьё мнение для Вас весомо», - 29,7% опрошенных не назвали никого. А число преподавателей, авторитетных в глазах студентов, набралось лишь 22,6%. 3,9% опрошенных сказали, что лично сталкивались с фактами навязывания политических взглядов, 9% слышали об этом, хотя 74,2% никогда не сталкивались с фактами такого давления.

Настораживает то, что в отношении взяток лояльно высказались около 30% студентов. И только 56,6% опрошенных считают, что со взятками надо бороться, так как они разлагают нас и нашу власть. Борьба с коррупцией: 4,3% лично сталкивались с этим явлением, 23,3% студентов слышали об этом, 46,7% не сталкивались с этим явлением. А ведь патриотизм это и борьба с коррупцией, взяточничеством, терроризмом.

По мнению учёных Южного Федерального университета, в условиях социально-экономического кризиса, сопровождающегося проявлениями аномии, молодёжь испытывает различные затруднения в процессе реализации собственного социального и профессионального потенциала. Помимо этого, положение молодого поколения в обществе во многом определяет его политическую и электоральную активность,

равно как и желание изменить положение дел к лучшему.

В рамках социологического межрегионального исследования «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодёжи в условиях транзитивности современного российского общества» (Центр социально-политических исследований ЮФУ, 2016 г.) был проведён анализ отношения студенчества (как наиболее активной части молодёжи) к сложившемуся положению дел в современном российском обществе. 40,7% опрошенных оценивают сложившуюся в России социально-экономическую ситуацию скорее как кризисную, а четверть (25,8%) абсолютно уверены в критичности положения.

Тот факт, что ситуацию в стране считает безусловно кризисной каждый четвёртый представитель студенческой молодёжи, по мнению авторов исследования, даёт основания для настороженности.

Среди внутренних факторов, дестабилизирующих ситуацию в России, студенты называют коррупцию в высших структурах власти, - так думают 33,9% опрошенных. По мнению 18,1% представителей студенчества, к существующей проблемной ситуации привели ошибки в политическом руководстве страной, допущенные Президентом и Правительством. Причём, если обратить внимание на то, кто именно так считает, то те представители студенческой молодёжи, кто не придерживается патриотических взглядов и причисляет себя прежде всего к европейскому сообществу, в три раза чаще обвиняют Президента РФ и Правительство в допущенных ошибках. Молодые люди, считающие себя в первую очередь гражданами своей страны, большее значение придают внешним факторам.

Главное, на что обращают внимание авторы исследования, - это необходимость формирования у молодого поколения стремления изменить положение дел к лучшему. Студенческой молодёжи отводится особое место в социальной структуре общества. Именно они являются наиболее активной когортой молодёжи

и кадровым резервом для многих сфер жизнедеятельности.

Однако, среди студентов, считающих обстановку в стране критической, каждый четвёртый (25,7%) не ходит на выборы из принципа. А ведь именно посредством выборов формируется политическая элита страны, принимающая ключевые решения. Сложившаяся ситуация, пассивная позиция части молодёжи требует активных воспитательных мер, формирования у них понимания зависимости общественного блага от действий каждого гражданина. Что же предлагают авторы исследования для воспитания активной гражданской позиции студенчества?

Это меры как в рамках учебного процесса, так и в рамках внеучебной работы. Прежде всего, это увеличение часов, отведённых для преподавания дисциплин социально-гуманитарного блока. Предметы данного блока способствуют пробуждению интереса к социально-политической жизни страны и мира в целом. Так, 39,8% представителей студенчества, проявляющей интерес к социально-гуманитарным дисциплинам, регулярно интересуются политическими событиями в стране, участвуют в их обсуждении в студенческой среде.

Но при этом, только 18% отметили, что берут информацию о политической сфере из учебной программы вуза. Здесь мы хотели бы добавить, что определённый (обязательный) набор предметов этого блока должен быть утверждён либо Минобрнауки РФ, либо централизованно в каждом вузе, с указанием количества часов. Ситуация на разных факультетах различных вузов разнится, и в этом вопросе нет системы, ориентированной на воспитание гражданских качеств всей студенческой молодёжи. В этом перечне обязательно должны быть и социология, и политология, и право.

Предлагаются в исследовании также организация различных кружков соответствующей тематики, проведение факультативных занятий. Также необходимо проведение мероприятий гражданско-

патриотической направленности, которые позволяли бы студенческой молодёжи реализовать свой потенциал. Активная гражданская позиция, считают авторы, должна быть целью обучения и воспитания, наряду с профессиональными компетенциями.[2]

В Кубанском государственном университете разработана и изучается система определённых организационных мер по противодействию технологиям политического манипулирования в молодёжной среде.

Мы исходим из посыла, что в основной массе студенческая среда не политизирована, но весьма подвижна: она легко подхватывает любые лозунги, которые дают способ выделиться на фоне своих сверстников. Цель активности студенческой среды – самоутверждение и, отчасти, внесение разнообразия в свою жизнь, поиску острых ощущений, борьба со скукой. Часто эта потребность в самоутверждении выражается через отрицание существующих норм и стандартов жизни, в том числе, - основ государственного устройства. Вот почему студенты с готовностью вливаются в различные протестные движения. Где всё сильно контрастирует с проправительственными молодёжными движениями, организованными чаще всего по формальному признаку (причём лидеров в них чаще всего назначают, а не по-настоящему избирают). Такие «лидеры» стараются побыстрее отработать своё время и получить за это либо депутатский мандат, либо должность в Администрации, уже не связанную с молодёжью.

Формальные молодёжные организации хороши для отчётности, а не для реальной консолидации общества. Образ «защитника существующего строя» (успехи которого быстро забываются, а неудачи становятся предметом оживлённых дискуссий, в том числе в Интернете), всегда проигрывает перед образом «пламенного революционера-идеалиста», борца за свободу, справедливость и светлое будущее. Существует даже устоявшийся термин у организаторов цветных революций – «революция достоинства».

Нередко молодёжь, в том числе студенческую, толкает в ряды протестного движения осознание того, что от них ничего не зависит – ни в политической, ни в жизни родного университета. Напротив, оппозиция студентам такую возможность предоставляет, приводя примеры простых людей, получивших известность благодаря личному участию в протестном движении.

В числе мер по противодействию подобным попытками увлечь молодёжь мы предлагаем систему следующих мер. Прежде всего, заинтересовать студентов большим, как минимум общеуниверситетским проектом, причём этот проект должен быть интересен многим молодым людям и умело представлен.

Затем – привлечь лидеров мнений в управляющую студенческую среду. Сформировать вокруг вуза собственное, замкнутое и самодостаточное информационное пространство, обеспечить механизм обратной связи между ректоратом и студенчеством. Иметь собственный альтернативный клапан по «выпуску молодёжного пара».

Эффективно, на наш взгляд, будет создать принципиально новую структуру, которая бы отбирала из студенческой среды неформальных лидеров (лидеров мнений) и включала бы их в свою работу и через это взаимодействовала бы с основной студенческой массой. Такой структурой мог бы стать, скажем, двухпалатный студенческий Сенат и его профильные комитеты: по политической модернизации, по внешней политике, по публичной дипломатии, по науке и новым технологиям, по экономической политике и т.д.

При формировании вокруг вуза самодостаточной информационной среды необходимо сделать так, чтобы студенты могли бы своевременно найти ответы на интересующие их вопросы, включая политическую жизнь страны, региона.

Необходимы интересные комментарии специалистов, экспертов, аналитиков. Это позволяет формировать у студентов политическое мировоззрение, ограждать их от

негативного влияния деструктивных сил, как внешних, так и внутренних. Для этого необходимо создать информационный фон и наполнить его новостями из жизни вуза, аналитическим материалами на актуальные темы и оценками людей, чьё мнение в университете пользуется уважением.

Для адекватного реагирования на события, происходящие в студенческой среде, нужен уже упомянутый выше механизм обратной связи между студентами и руководством вуза. Такую функцию могут играть проекты: «горячая линия», «онлайн-вахта профессоров университета» (на сайте в режиме онлайн или в эфире вещательных программ университетского пресс-центра), «виртуальная приёмная ректора», «клуб политологов-аналитиков» и т.д., - действующие в режиме реального времени.

Для вузовской молодёжи с радикальными настроениями можно создать «университетский гайд-парк», где проходили бы дебаты с представителями власти и вузовским руководством, другие публично-информационные структуры, которые безусловно потребуют хорошей подготовки и грамотного исполнения от организаторов.[3]

Говоря о ценностных ориентациях, которые формируют патриотический характер у современной молодёжи, прежде всего, необходимо определиться с цивилизационной принадлежностью России. Кто мы: Восток, Запад, чьи идеалы нам ближе? Здесь мы поддерживаем позицию В.А.Никонова, который видит в России самостоятельную цивилизацию. Россия – это самодостаточный культурно-цивилизационный феномен, который может быть описан в её собственных терминах. Здесь свой целостный, уникальный мир со своим генетическим кодом истории, системой архетипов социальности, культуры, духовности. Мы не являемся ни западной частью Востока, ни восточной частью Запада. Россия – это стержневое государство с самостоятельной и самодостаточной цивилизацией.

Крайне важно, считает, В.А.Никонов, опираясь на знания своего прошлого, предложить образ

достойного завтра. Российская цивилизация всегда была, есть и будет не воспоминанием о прошлом, а мечтой о будущем! [4]

Политология, отмечал Е.М.Примаков, - это наука о развитии, это анализ развития общества, государства, власти. По его мнению, задачей российского общества политологов является создание надёжной экспертизы принимаемых решений в сегодняшней России. Прежде всего,

для защиты наших национальных интересов. [5] Этой мыслью, устремлённой в будущей, задачей-завещанием известного российского учёного и политика, эффективного руководителя и патриота своей страны, мы бы хотели завершить наш материал, надеясь на то, что задача эта будет решена в самом ближайшем будущем с нашим участием.

Литература:

1. Отроков О.Ю. Новые вызовы молодёжной политики: причины изменений и перспективы развития (на примере Ростовской области) // Власть, 2017. №9. С.185.
2. Магранов А.С., Деточенко Л.С. Социально-экономическая ситуация в России: мнения и оценки современного студенчества // Власть, 2017. №10. С.72-81.
3. Карпович О.Г., Манойло А.В., Наумов А.О. Противодействие технологиям цветных революций в молодёжной среде. - М.: 2015.
4. Никонов В.А. Российская матрица. – М.: 2014. С.921-923.
5. Примаков Е.М. Вызовы и угрозы многополярного мира: роль России. – М.: 2014. С.317.

ТЕКСТОВОЕ НАУЧНОЕ ЭЛЕКТРОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ЮГЕ РОССИИ: СПОСОБЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

материалы международной научно-практической конференции

(Майкоп, Адыгейский государственный университет, 21-22 ноября 2017 года)

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук, проф. Хунагов Р.Д. (отв. ред.),

д-р филос. наук, проф. Ляужева С.А.,

канд. социол. наук, доц. Ильинова Н.А.,

д-р социол. наук, доц. Нехай В.Н.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект РНФ № 15-18-00148
«Этносоциальные процессы на Юге России: способы регулирования»*

Верстка А.В. Дубровин

Оформление электронного издания ООО «ЭЛИТ»
elit-publishing@yandex.ru

Объем издания 2,6 Мб

Дата размещения 26.12.2017 г.
URL: <http://201824.selcdn.ru/elit-061/index.html>